

www.Litmeridian.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Основан 15 января 2008 года

Культурно-просветительское художественное издание

№ 5 (43)/2011
МАЙ

Максим ЛАВРЕНТЬЕВ
с. 13

Памятник Святым равноапостольным Мефодию и Кириллу (г. Москва).
Фото Владимира ТЫЦКИХ, г. Владивосток

© «ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН»
Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) 914-666-1-999
(с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор –

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора, г. Хабаровск.

Ирина БАНКРАШКОВА, г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Эльвира КОЧЕТКОВА, г. Владивосток.

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СОВЕТ:**

Юрий КАБАНКОВ,
Валентин КУРБАТОВ,
Георгий НАЗИМОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ,
Владимир ТЫЦКИХ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объем издания – 3,5 печатных листа.
Тираж 600 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику
и фактически 30 апреля в 22-00.

Отпечатано в ООО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

**ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Май 2011 года

№ 5 (43)

- с. 2. **Путеводитель.** Вита ШАФРОНСКАЯ
- с. 4. **Трагедии минувшего века.** Сергей НАЗАРЕНКО
- с. 5. **Трагедии минувшего века.** Танака ДЗИНДЗО
- с. 6. **Свет памяти.** Александр ЕГОРОВ
- с. 8. **Свет памяти.** Александра ПОЗДНЯКОВА
- с. 12. **Поэзия.** Михаил ГУТМАН
- с. 13. **Поэзия.** Максим ЛАВРЕНТЬЕВ
- с. 14. **Пристальный взгляд.** Ольга ЛЕВАШОВА
- с. 16. **Поэзия.** Евгений ЛЕБЕДЕВ
- с. 17. **Поэзия.** Олег МАНЗАНОВ
- с. 18. **Проза.** Владимир МОНАХОВ
- с. 20. **Проза.** Игорь ФЕДОРОВСКИЙ
- с. 21. **Мнение читателя.** Александр БОНДАРЕНКО
- с. 22. **Секреты спецслужб.** Василий САМОТОХИН
- с. 27. **Письмо в редакцию**

«ВСЕ МЫ ЛЮДИ! ВСЕ МЫ ЖИВЫЕ! Я ИМ СРОДНИ...»

Вита ШАФРОНСКАЯ,
г. Псков

*Антуану де Сент-Экзюпери –
с благодарностью...*

Наша странная, сквозь десятилетия, сквозь несколько поколений связь возвращается с далёкого Детства до сих пор, обрастая всё новыми и новыми впечатлениями-образами, стоит только взять в руки книгу о Маленьком Принце или почитать письма, принадлежащие перу автора этой сказки-поэмы.

Он всегда с пониманием выслушает и по строчкам или от главы к главе, ненавязчиво, выведет к тем словам, которые утешат в сложную минуту душевного неравновесия. Находясь в мощном «силовом поле» его записей и персонажей книг, я чувствую себя под защитой, которой лишена в жизни. И когда, кажется, всего полшага остаётся до отчаяния, я выживаю из нестройного ряда изданий на полке тоненькую, потрёпанную книжицу, словно хватаюсь за спасительный круг. И раскрываю её на любой странице – потому что каждая пропитана заботой о человеке, любовью к нему. Значит, и ко мне...

Потому что с детства запомнилось «...такое твёрдое правило: встал поутру, умылся, привёл себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету...».

Потому что мы давнишние приятели с «тишиной, полной грусти, когда вспоминаешь тех, кого любишь...».

Потому что «среди людей тоже одиноко...», особенно в нашем почти обезумевшем от самого себя мире, а на маленькой планете Экзюпери человеку ещё возможно вспомнить о том, что он – жив...

Иногда меня преследует навязчивая мысль о том, что в действительности все мы – заложники. Причём заложниками мы сделали себя сами, добровольно, за довольно короткий исторический (что для Истории двадцать лет!) период, подготовив идеальную почву для обстоятельств, которые теперь в большей степени управляют нами, нежели мы – ими. В фантастических фильмах и книгах, как

правило, центральными персонажами «от Зла» становятся созданные человеком существа (живые, компьютерные – не суть), в какой-то ключевой момент вышедшие из-под его контроля. Сидя в уютном зальчике или дома на диване совсем не страшно отслеживать перипетии злоключений главных героев.

Страшно, когда понимаешь, что ты сам, твои дети, знакомые, другие люди – персонажи одной «долгоиграющей», тщательно запутанной истории, отнюдь не выдуманной! Страшно, потому что эта история, если перечислить её нынешние «идеалы» и «ценности» – даже на историю не тянет – настолько мелко, приземлено и сужено её сознание. Статус и имидж, залаченные волосики и маникюренные пальчики, сытые животики и удовлетворённые первичные инстинкты, а над всем этим – деньги. Вот – и основа, и цель, и возможность самореализации, и загадочная «нирвана», к которой «все стремятся», но о духовной (не материальной!) составляющей которой мало кто просвещён.

Почему, как случилось то, что мы посмели столь быстро отказаться от того, чем кормились наши души в течение столетий?! Воистину подумаешь, а в себе ли мы были в тот переломный для России час, когда на глазах рушилась дружная, многонациональная страна, когда по её руинам и пепелищам бродили юные тогда поколения, натываясь на тела своих же братьев, родителей, друзей? Уверена, именно тогда-то зародились в них, уцелевших, жестокость и цинизм, дающие ныне чудовищные плоды.

В их, да и наших душах наступившее великое смятение и смута не оставили места Богу и Духу. И в который раз в час сильного испытания мы безвольно отказались от них, чтобы теперь, в самом начале XXI века, попытаться вновь призвать отверженных и признать за ними Первое Слово, правое Слово.

В одной из своих работ Антуан де Сент-Экзюпери писал, что «в трудный час она (Португалия – **В.Ш.**) извлекла на свет свои чудеса... Она выставила на показ своих великих людей. От железа и стали за-

хватчиков она заслонила своими поэтами, землеходцами, первооткрывателями... Неужели её посмеют раздавить – её, наследницу столь славного прошлого?»

Как похоже на нас!.. И как близко мы подошли к черте понимания, что наш великий народ, имеющий колоссальное духовное наследие, только им и в нём имеет шанс на спасение от общества, выступающего захватчиком, в руках которого вместо «железа и стали» – цинизм и поклонение мамоне, подавляющих в человеке человеческое.

Как скоро позабыли мы, что «...всё выцветает, если ничему не служит», а «...политика лишь тогда имеет смысл, когда она помогает раскрыть духовную сущность человека»!.. Культура, не поставленная на службу человеку, обречена на вымирание, и, что самое главное, этот процесс необратим, но взаимосвязан. И уже впору говорить о сохранении славянской (русской) цивилизации.

Пласт на первый взгляд неподъёмен. Но только на первый взгляд, ведь всё всегда начинается с человека, а человек начинается с семьи: «Главное – чтобы где-то сохранялось всё (вплоть до бабушкиных сундуков и незамысловато вышитых, полинявших от старости салфеток. – **В.Ш.**), чем ты жил прежде. И обычаи. И семейные праздники. И дом, полный воспоминаний. Главное – жить для того, чтобы возвратиться...»

Нам же пока и возвратиться некуда, семьи разрознены либо в них царит разлад и непонимание, обычаи – стали почти атавизмами, хотя и поддерживаются локально, на территориях, как правило, удалённых от «центра». «Семейные праздники» ограничены днями рождений в кафе да шумным новогодьем, сдобрены «корпоративами», крайне редко предполагающими присутствие вторых половин, не говоря уж о детях. По нашим блочным квартиркам по ночам не витают воспоминания, а зеркала вместо улыбок и счастливого разноголового смеха помнят наши хмурые от хронического недосыпания лица, наши гримасы от крика, ругани, беспомощности что-либо изменить... И многоэтажные дома, вроде бы заселённые жильцами, на самом деле безлюдны...

Как же хочется остаться человеком! Человеком, где-то в начале Детства прочитавшим: «Если я чем-то на тебя не похож, я этим вовсе не оскорбляю тебя, а, напротив, одаряю». Может быть, стоит вслушаться в уникальный, всепоспешительный смысл этого слова: о-да-ря-ю... Реанимировать в себе светлого, чистого ангела-ребёнка, которым каждый из нас когда-то был, и принять, как бесценный дар, эти великие и простые слова – они никогда не подведут нас и не изменят нам, какой бы трудной ни была ситуация, в которой окажемся мы.

И ещё... Дай нам Бог каждому дожить до **друга!** Настоящего друга, которому не жаль «тратить на

тебя время» и к которому в любой момент можно было бы обратиться без страха остаться непонятым или осмеянным: «Я так устал от словесных распрей, от нетерпимости, от фанатизма! К тебе я могу прийти, не облачаясь в какой-либо мундир, не подчиняясь заповедям какого бы то ни было Корана, ни в какой малости не отрекаясь от моей внутренней родины. Перед тобой мне нет нужды оправдываться, защищаться, что-то доказывать; с тобой я обретаю душевный мир...»

P.S. Казалось бы, я привела достаточно цитат из текстов Экзюпери. Но как же хочется вновь и вновь обращаться к пронзительным мыслям этого удивительного поэта и... философа. «Письмо к заложнику» (цитаты из которого приведены в этом эссе) Антуана де-Сент Экзюпери, будь моя воля, я бы поставила наряду с «Отче...» в образовательную программу для подробнейшего прочтения-обсуждения, чтобы дети, которые *пока ещё* дети – запомнили его простые и мудрые слова:

«Уважение к Человеку! Уважение к Человеку!.. Если в сердцах людей заложено уважение к человеку, люди в конце концов создадут такой общественный, политический или экономический строй, который вознесёт это уважение выше всего. Основа всякой культуры прежде всего – в самом человеке. Прежде всего, это присущая человеку слепая, неодолимая жажда тепла. А затем, ошибаясь снова и снова, человек находит дорогу к огню».

«Друзья, готовые нам помочь, находятся быстро. Куда труднее заслужить друзей, которые ждут помощи от нас...»

«И я говорил себе: Человека ведёт дух. В пустыне я стою ровно столько, сколько стоят мои боже-ства».

«Самое важное чаще всего невесома. Часто улыбка и есть главное».

«...все мы люди! Все мы живые! Я им сродни».

«Улыбка соединяет нас наперекор различиям языков, каст и партий. У меня свои обычаи, у другого – свои. Но мы исповедуем одну и ту же веру».

«Но вот сегодня уважение к человеку – условие, без которого нет для нас движения вперёд, – оказалось в опасности. Катастрофы, сотрясающие ныне мир, погрузили нас во тьму. Перед нами запутанные задачи, и решения их противоречивы. Истина вчерашняя мертва, истину завтрашнего дня надо ещё создать. Единого решения, приемлемого для всех, пока не видно, в руках у каждого из нас лишь малая толика истины. Политические верования, которым недостает явной для всех правоты, чтобы утвердиться, прибегают к насилию. Так мы расходимся в выборе средств – и рискуем забыть, что стремимся мы к одной и той же цели».

Как же это всё **про** и **для** нас, сегодняшних!..

СТРАНИЦЫ

Сергей НАЗАРЕНКО,
г. Арсеньев

Автор фотоколлажа – Вячеслав КАПИТОНЕЦ,
г. Арсеньев

В истории поселка Семеновка был интересный период, когда его жители тем или иным образом контактировали с представителями соседнего азиатского народа. После второй мировой войны, закончившейся победой Советского Союза над Японией, в 1945 году в Семеновке появились японские военнопленные, труд которых использовался в интересах социалистического народного хозяйства, подорванного войной.

Военнопленные заготавливали лес в окрестностях поселка, строили жилые дома и культурно-хозяйственные объекты, выполняли работы, в которых были заинтересованы Министерства внутренних дел и обороны.

Изнурительный труд, скудное питание, жесточайшие морозы приводили к болезням и к смерти пленных. Только в Семеновке и ее ближайших окрестностях на шести кладбищах было похоронено 416 японцев.

Те, кто выжили за годы плена и вернулись в Японию, подверглись дискриминации уже на своей родине, как предатели.

Один из таких военнопленных был Танака Дзиндзо, который в июне 1994 года в составе группы Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных побывал в Приморском крае, в городе Арсеньеве.

По возвращении домой, в Японию, он написал письмо Валерию Николаевичу Сапрыкину, который

принимал японцев и оказывал им всяческую поддержку.

Несмотря на то, что Советский Союз и Япония воевали, отношение простых японцев к русскому народу осталось теплым и дружеским, о чем свидетельствует письмо Танаки Дзиндзо.

ИСТОРИИ

Уважаемый российский друг!

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Вас за теплый, радушный прием, который оказан в Приморском крае нашей группе Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных и мне лично в июне 1994 года. Теплота человеческих сердец и радушие сотрудников Приморского фонда мира, которые организовали нашу поездку, встречи и беседы с представителями администрации и жителями на местах, осуществляющими исключительно подвижническую деятельность по поддержанию японских захоронений, дружеский обед с российскими ветеранами 22 июня – в трагическую годовщину со дня начала войны в СССР и многое другое навсегда останутся в моей памяти. В Вашей стране я, бывший японский военнопленный, почувствовал себя среди истинных друзей, забыв о своем тяжелом трагическом прошлом.

Как многие мои сверстники, я был призван в Квантунскую армию, в результате поражения которой оказался в советском плену. Мою участь разделили почти 600 тысяч моих соотечественников, 60 тысяч из которых навечно остались лежать в российской земле. Что и говорить, трудным испытаниям мы подверглись в плену: 40–50-градусные морозы, скудное питание, а порой полное отсутствие пищи, подневольный труд с раннего утра и до позднего вечера, болезни и смерть. Но сейчас, под старость лет, самое тяжелое уходит на последний план, а вспоминаются лишь самые светлые страницы нашей молодости: это – учеба в плену, благодаря которой я узнал много о Вашей стране и о коммунистическом учении, общение с русскими людьми. Эти добрые воспоминания о России я пронес через всю свою жизнь, они помогали мне в моей борьбе за идеалы гуманизма.

Вернувшись из плена, мы подверглись дискриминации со стороны нашего правительства, которое путем антикоммунистической пропаганды умело настраивало население враждебно против всех и вся, кто и что хоть каким-либо образом был связан с Вашей страной. Я – крестьянин, на мое хозяйство совершались грабительские набеги, мне разбивали окна в доме и т.д. Сейчас те страшные времена уже позади, но и сейчас в политике консервативных сил чувствуются отзвуки тех лет в отношении нас, бывших узников сибирского плена, которым отказано даже в выплатах пенсий, компенсаций за работу в плену. К сожалению, и молодому поколе-

нию прививают такую же идейную позицию, делая особую ставку на развитие сотрудничества с США. И в этом нет ничего удивительного, ведь зависимость от США – это краеугольный камень политики и экономики современной Японии. Политическую и экономическую жизнь Японии пронизывают сегодня коррупция и взяточничество; чтобы стать депутатом Парламента, достаточно лишь пустить в ход немалые суммы денег.

В этих условиях мы все больше отдаляемся от высоких человеческих идеалов, забываем о высоком предназначении человека. И только вновь побывав в Вашей стране, я почувствовал всю радость человеческого общения, которого мне так недостает у себя в стране. Я еще раз смог убедиться в миролюбивом характере русского народа и его стремлении развивать отношения между нашими странами.

От имени бывших японских военнопленных я хочу принести огромную благодарность Правительству России и ее народу за гуманистические шаги, реализующие наши человеческие права: это – выдача справок о труде в плену, реабилитация лиц японской национальности, ошибочно осужденных в годы политических репрессий, предоставление списков умерших в плену и мест их захоронений и т.д. Теперь вновь предстоит борьба у нас в Японии за то, чтобы наше Правительство официально признало российские документы и приняло по ним справедливые решения в соответствии с требованиями международных конвенций, закрыв тем самым эту мрачную страницу в истории японо-российских отношений.

Знаю, что это будет непросто, но я с оптимизмом смотрю в будущее! Верю в торжество законности и исторической справедливости и готов до конца своих дней бороться за это.

Я выступаю за мир на Земле и счастливое будущее всех народов и призываю вас, моих российских друзей, поддержать меня и присоединиться к этой борьбе!

Доброго Вам здоровья, мой новый российский друг, счастья и благополучия, успехов и процветания Вашей стране!

С уважением
Танака Дзиндзо

Япония, Тояма-кэн,
Фукуока-мати, Микаити, 178

О ПОЭТЕ

Александр ЕГОРОВ,
г. Владивосток

*«Фактовик, натуралист, эмпирик,
А не беспардонный лирик...»*

Эти слова Бориса Слуцкого, сказанные о себе, в полной мере относятся к поэтической одиссее доблестного технаря-морехода Михаила Гутмана, на мой взгляд, самого раскованного и одаренного поэта Дальнего Востока.

Писать о поэте прозой – почти бессмысленно. Писать о поэте талантливым – затруднительно, тем более что он прожил отмеренное судьбой стоически, так и оставшись неизвестным. Высокая риторика – дело книжников и фарисеев, лицедеев от литературы, охотно проявивших себя после его смерти, успевших «застолбить» свое имя в местечковой печати. Они многое могли бы сделать для него еще при жизни (некоторые из них были влиятельными членами разных профессиональных Союзов), но ровным счетом ничего не сделали, а когда он умер, засуетились, «запрыгали, задергались, запели...», стали в ряд его друзей, не стесняясь, во всю ивановскую, публикуют свои воспоминания, воспоминания, воспоминания...

Родился Михаил Семенович Гутман в городе Ленинграде 15 апреля 1944 года. До 8 класса учился в нормальной советской школе, 9-й и 10-й классы заканчивал в вечерней. С жизнью познакомился в геологической экспедиции и в таксомоторном парке. Тяга к странствиям и предощущение в себе поэта заставляют его поступить в Ленинградское арктическое училище на электромеханическое отделение, которое и закончил в 1966 году. Несколько лет отработал в северных морях, последние 17 лет – в не менее суровых – дальневосточных. Из них 9 лет – старшим электромехаником на танкерах Приморского морского пароходства (ПМП). За эти годы побывал почти во всех портах и морях нашего региона и даже, получив визу, дважды совершил кругосветку, при этом написал полдюжины добротных книг. Первая из них вышла под редакцией Андрея Синявского в Париже в 1990 году. «Стихи» эти поэтическим цехом не были замечены. Да и как это могло случиться с тиражом в 100 экземпляров? Но поэт знал себе цену. Писал добротно и несуетно, как, собственно, несуетно и прошел всю поэтическую дистанцию. В одном из стихов с достоинством заявит: «В свои полсотни с лишним лет / слыть начинающим поэтом / неловко. Да и смысла нет / в том, чтобы следовать советам». И не следовал. Просто по-человечески нуждался в дружеской поддержке, но её не было. Наконец решился, на свои средства

в 1999 году издает скромную книжку сонетов «Два одиночества». «Я возвращаюсь в одиночество. / Своих обязанностей раб, / Свое таскаю имя-отчество / На службе с раннего утра...» – писал поэт и продолжал стоять вахту в машинном отделении, почти ежегодно пересекая экватор с севера – на юг и, возвращаясь с горючкой домой, с юга – на север. Продолжал писать, но критикой замечен не был. Литкорепаны хвалили стихи. И только. Собутельников было полно, товарищей значительно меньше. Поддержка пришла со стороны неожиданной – от просвещенного руководства ПМП, при финансовой помощи которого одна за другой выходят книги «Попытка прогулки» – 1999 год, «Одиночества» – 2001 год, «Трактир жизни» – 2002 год, «Отражение» – 2003 год общим тиражом – около 3000 экземпляров. К сожалению, две последних книги – посмертно.

Непонятно, где он был наездом – в море или на суше? С корабельной техникой он был на «ты», с друзьями – на «ты», а с Евтерпой – на дружеской ноге. Она его любила, он её – боготворил. Последние 20 лет писал много, читал – более того. Особенно любил читать друзьям только что написанное, даже в другие города по телефону. Он измерял чужое прошлое своей жизнью и своим жизненным опытом, рискованно и зачастую раскованным. Зорко всматриваясь в действительность, прикладывая кальку героических (или трагических?) страстей исторических персонажей на свою собственную судьбу, делал соответствующие выводы и с предельной, но чаще самораздевающей откровенностью делился наблюдениями с читателями своих книг. Гутман с первых же шагов в литературе стал осваивать свой микромир и свой поэтический космос, интуитивно понимая, что у самостоятельного поэта, как и у каждого забора – своя лексика, а найдя свою лексикографию, он остался ей верен на всю жизнь, до последнего дыхания. Но особенно поразительно богат его язык, виртуозна рифма, легко поэтическое дыхание, точна метафора и глубока философская лирика, опирающаяся на тысячи прочитанных томов мировой и русской классики. Поэтический словарный запас его был столь обширен, что не каждый прозаик имеет такой багаж. Ведя жизнь морского скитальца, многократно переходя с судна на судно, он много лет подряд переносил с собой десятки и сотни томов книг. Начитанность его была потрясающей, и не было ни одного мало-мальски известного поэтического имени современника, которого бы он не знал.

Свет памяти

Тайна всех незаурядных поэтов состоит в отражении зла и приближении к истине. Даже ценой прижизненного молчания. При его эрудиции он, конечно же, знал основной постулат стоиков: «Если рок сдавил твоё горло – стой и исправляй положение молчанием...» И он стоял. Не ходил по редакциям, не ломился в закрытые двери, молча оттачивал своё мастерство, понимая цену своему слову, не заискивал перед литературными авторитетами, не писал стихов на злобу дня, почти ни слова о политиканах, лишь бесконечная самоирония, самосожжение да самобичевание. Поэтому и случилось, что у талантливейшего поэта Дальнего Востока (литературной Ойкумены) не оказалось ни одной прижизненной журнальной публикации. При всем том, что его поэзия не была антисистемной, разве что он мог позволить себе подобную реплику:

Да здравствует расейский славный мат,
Который, если верить Губерману,
есть суть раскрепощения ума,
смекнувшего однажды, что тюрьма –
единственное место по карману
для подлинно свободного ума...

Он был лунатиком в поэзии, что позволяло ему без особого напряжения и опаски одновременно быть жонглером и канатоходцем, акробатом и коверным, которому известны все тайны цирковых профессий. Тут я говорю о технических достижениях поэта: сонет, поэма, элегия, октава, экспромт, эпиграмма. Для казенной критики (а есть ли у нас другая? была ли?) исповедальная поэзия Гутмана была и осталась – terra incognita, – к сожалению. Правда, уже, будучи на смертном ложе, он все-таки дождался добрых вестей из Хабаровска, был замечен и получил высокую оценку из уст самого талантливого и объективного критика нашего региона – Валентины Катеринич.

Я уже говорил о непростом деле – о поэте писать прозой; суммируя сказанное, попробуем сказать стихами:

ПАМЯТИ МИХАИЛА ГУТМАНА

Замельтешили певчие скворцы,
Запрыгали, задергались, запели,
Ролями поменялись, как хотели,
Весть разнеслась о вас во все концы.

Да, умер Гутман. Мог бы и пожить,
Артельщикам в доверие втереться,
Волчком бездушным в их среде вертеться,
К литкорэфанам поступив в пажи.

Евтерпе – не продажной музе голой –
Служил своим раскованным глаголом.
Кому служили липкие друзья,
Растлители, доносчики, сороки,

Приевшие твои земные сроки? –
Об этом вслух пока сказать нельзя.

Апрель 2003 года.

«Я БЫЛ, Я ЕСТЬ И БУДУ СНОВА...»

/Светлой памяти Михаила Гутмана/

ПИТЕРЕЦ ИЗ НАХОДКИ

«Родился 15 апреля в 1944 году в городе Вятке. С трех до семи лет, до школы, жил у бабушки в Тихвине. В 1951 году был отдан в одну из средних школ Ленинграда, из каковой сбежал в 1960 году по весне, не закончив 9-го класса – надоело. Той же весной при посредничестве дяди уехал с геолого-разведывательной экспедицией в Казахстан в качестве подсобного рабочего. Осенью, вернувшись из экспедиции, поступил в 9-й класс школы рабочей молодежи и одновременно на курсы шоферов. После окончания курсов работал в одном из ленинградских таксомоторных парков. В 1963 году окончил десятый класс и в этом же году поступил на электромеханическое отделение Ленинградского арктического училища. В 1966 году, по окончании училища, начал работать в море, где и тружусь по сей день. В настоящее время работаю в должности электромеханика на танкерах ОАО «ПМП». В городе Находка проживаю с 1983 года. Это все, что вкратце касается моей трудовой биографии.

Теперь о творческой. Стихи начал писать где-то в 10 – 12 лет. Естественно, подражательные и, естественно, слабые. Вполне осознанно начал писать в 15 лет. В те годы в Ленинграде были очень популярны поэтические конкурсы на первенство школ, районов и, наконец, непосредственно города. На одном из таких конкурсов мне и посчастливилось занять первое место, причем за одно-единственное стихотворение:

*И все-таки, наверное, обман –
урок литературы в средней школе.
Учительница, скучная до колик,
увечила тургеневский роман.*

*А лично я глядел себе в окно –
ну что мне те Базаров с Одинцовой,
когда хожу я с девочкой попсовой
на самое вечернее кино.*

Позднее, уже в училище, начал посещать различные литературные объединения, которых в Ленинграде было великое множество. В 1967 году принял участие в коллективном сборнике «Маяк». В дальнейшем, в разные годы, принимал участие еще в нескольких сборниках Ленинграда и Москвы. С собственной рукописью не везло вплоть до 1990 года, пока она не была издана в Париже под редакцией Андрея Донатовича Синявского. В 1997 году был принят в Союз российских писателей».

Материал подготовила
Александра ПОЗДНЯКОВА,
член Российского
межрегионального союза
писателей,
г. Владивосток

Вот так, «Коротко о себе», в 1997 году написал вместо предисловия ко второму сборнику своих стихов «Попытка прогулки» Михаил Семенович Гутман, признанный приморский и дальневосточный поэт, автор еще четырех поэтических книг, которые своим появлением обязаны людям доброй души – Александру Дмитриевичу Кириличеву, директору ОАО «ПМП», и писателю из Находки Павлу Ивановичу Шепчугову. А публикаций в различных центральных и региональных изданиях просто не перечислить!

Так уж случилось, что мне не довелось быть лично знакомой с Михаилом Гутманом. Но заочно с ним, с его творчеством познакомил меня Евгений Дмитриевич Лебков, известный российский писатель, приехавший с Сахалина и поселившийся в поселке Углекаменск, под Партизанском. К нему Михаил наведывался не однажды. Большой знаток русской литературы и сам перво-степенный поэт не местного масштаба, Евгений Лебков писал о творчестве Михаила Гутмана:

«Поэзия Михаила Гутмана стоит особняком от сегодняшних рифмоизлияний и концептуальной неозэкзотики, она вроде не замечает, что в книжном море-океане барахтаются Приговы и подобные им, не поддается Гутман соблазну осовремененных стихотворных «опусов». Он – и древне-традиционен, и нов наособицу. Кто сейчас в России «поет» сонетами, венками сонетов? Очень мало таких авторов, а вот поэт-моряк, питерец из Находки, упорно гнет свою линию. Думаю, сие не «образованными показаться хочут», а нечто иное, корневое, что ли, состояние души и мыслей, а напрямую – предназначенье свыше...

...Зная большинство стихов Михаила, убежден, верю и верую, что в Находке жил добрый, образованный и духовно, и душевно поэт, который знал-понимал: «что почем и как». Умел достойно решать и «текучку», и «волну», и «скрытое движение».

Евгений Лебков еще при жизни назвал Михаила Гутмана лучшим поэтом Приморья. Узнав, что в Париже вышло четвертое переиздание (на русском языке) поэтической книжки Гутмана, он писал в одной из местных газет: «Поздравляю тебя, Миша, Михаил Семенович, с «Парижем» и с тем, что ты есть в Приморском крае, да и во всей нашей Федерации. Попробую скаламбурировать: Париж стоит мессы! И тем более хорошо, что русский поэт, современный, издан за бугром, и не диссидент, не эмигрант, не новый русский, а честный и талантливый находкинец. Bravo и брависсимо!»

ДВЕ СТИХИ МИХАИЛА ГУТМАНА

Путь Михаила Гутмана в поэзию не был легким, как и не была легкой вся его жизнь. Я прочла не одну пу-

бликацию о поэте, его жизни и творчестве. Обратилась к Тамаре Петровне Гутман, вдове поэта, с просьбой рассказать о Михаиле. Тамара Петровна сейчас работает сотрудником литературного музея, созданного недавно в Находке членом СРП Павлом Шепчуговым. Бережно хранит она творческое наследие мужа, память о нем, делится и воспоминаниями, и стихами с читателями, участниками литературных вечеров и встреч и просто с желающими прикоснуться к светлому и искреннему творчеству поэта.

– У Михаила были две стихии: поэзия и море. Поэзия, скажем, от Бога. А вот чем прельстила его морская стихия? Мечтал с детства?

– Нет, с детства он мечтал стать летчиком и после десятилетки, в 1966 году, пытался поступить в Рижское летное училище, но не прошел мандатную комиссию, как оказалось, по национальному признаку. «Еврея русское дитя» – написал он о себе позже. Этот пресловутый «национальный признак» Михаил ощущал на себе и впоследствии. А тогда ему дали рекомендацию в Ленинградское арктическое мореходное училище. Родителям пришлось пройти много инстанций, прежде чем его туда приняли. И только в училище Михаил понял, что свою дорогу в жизни нашел. Чем прельстило его море? Открывалась возможность мир посмотреть, со стихией «схватиться». Он был романтиком и мужественным человеком. Первое его судно – спасательный буксир Балтийского флота. Затем – база океанического лова на Сахалине. Был и Север. В Находке работал на судах Приморского морского пароходства. Были и длительные рейсы в различные порты мира, и много впечатлений, и тоска по дому... И много стихов!

*Я не дарил тебе цветы.
Я подарил тебе мечты
да морем пахнущие руки.
Я подарил тебе разлуки
и ожиданий долгих дни,
и предпортовые огни,
и ночи, полные тревог.
А встреч, прости,
уж сколько мог...*

А сколько в стихах достоинства, гордости за свою страну! Вот хотя бы это:

*Кто никогда не видел снега.
тому, конечно, и снега
Килиманджаро – и омега,
и альфа. Впрочем, берега –
так те – действительно, красивы
своим зеленым колдовством.
Ну а снега... снега – в России,
все остальное – баловство.*

– По многочисленным упоминаниям в публикации о Михаиле я узнала, что в поэзию его благословила сама Анна Ахматова.

– Да, это правда. Михаил мне об этом рассказывал. Он в годы учебы в арктическом мореходном занимался в литературном объединении «Маяк» при Дворце культуры Балтийского пароходства. Знакомится с Ольгой Бергольц, Глебом Горбовским, Александром Кушнером, Вадимом Шефнером. Занимается в семинаре Анны Ахматовой. Как-то она пригласила Михаила и еще двоих юношей из литобъединения к себе на дачу. Михаилу она тогда подарила сборник своих стихов с надписью:

«Мише Гутману, безнадежно талантливому мальчику». Анна Андреевна находила время для встреч с молодыми авторами. *«Если будешь трудиться и уважать слово в своих стихах, у тебя могут быть неплохие стихи».* Эти слова он запомнил на всю жизнь. И еще она продекламировала тогда: *«Не пытайся для себя хранить Тебе дарованное небесами».* Как-то, через многие годы, он посоветовал: *«Если бы я мог в то время осознать и понять значение этих слов в моей жизни...»* Встречи с Анной Ахматовой перевернули жизнь Михаила. Он активно принимает участие в поэтических конкурсах. Его стихи стали появляться в печати. Газета «Моряк Балтики» в 1966 году посвятила творчеству Михаила целую страницу. В 1974 году он получает первую премию на фестивале самодельных коллективов как сценарист и поэт.

– «Теперь же, в иные дни и в ином месте, этот мальчик вырос в надежно-талантливом, оставаясь скромным и совестливым». Это не мои слова, а Евгения Лебкова. Но с его высказыванием я абсолютно согласна.

– Безусловно, так. Надежно-талантлив. Но Евгений Дмитриевич прав и насчет скромности и совестливости. Хотя эти бесценные качества мало помогали Михаилу в продвижении своего творчества. Пробивным он не был. Зато всегда оставался честным и порядочным человеком.

– Расскажите, как он оказался в Находке?

– Впервые Михаил побывал в Приморском крае в 1978 году с большой группой писателей, но до Находки тогда не доехал: группу направили в Уссурийск для встречи с горожанами. А в 1980 году их БМРТ встал на ремонт в Находке на Приморском судоремонтном заводе. Потом вновь оказался в Находке в 1983 году. Это был поворотный год в его судьбе. Работал старшим электромехаником на танкерах Приморского морского пароходства. И хотя времена были нелегкие, в творческом плане он раскрылся мощно. Но прежде чем бросить здесь свой якорь, Михаил проделал длительный путь морскими и океанскими милями с одного конца страны на другой. Уехал от друзей и родных, покинул город своего детства, юности, уже зрелых лет – Ленинград. С личной драмой в сердце: не каждая женщина выдерживает долгие разлуки... Так Находка стала новым домом поэта. Ей посвятил он немало стихов.

– Мне на память пришли слова приморского поэта Николая Морозова:

*Там, где Находка – России начало,
Там, где проспекты пропахли селедкой,
Гутман стихами прославил Находку,
Или Находка его отыскала?*

– Конечно, и Находка его отыскала, в смысле – чем-то к себе притянула. Так вот, о творческих делах Михаила. До приезда в Находку он написал уже две книги, но их не печатают, куда бы он ни обращался. В Приморской организации Союза писателей СССР его не приняли как поэта, а сахалинские «мэтры» посоветовали писать очерки о рыбаках. И рукописи по-прежнему кладутся в стол. Начинается смутное время. Боль за судьбу России, за судьбу близких людей тяжким бременем ложится на душу и сердце поэта. С болью Михаил пережил и распад Союза, и казусы перестройки. Все это выплескивается в стихотворные строки, наполненные философскими раздумьями, грустью и разочарованием, юмором и ирони-

ей. Стихи Михаил писал запойно: утром и днем, ночью, в море и дома. Но находил время посещать литературный клуб «Элегия» судоремзавода, объединивший впоследствии литературные силы Находки. Возвращаясь из длительных рейсов с новыми впечатлениями и убежденностью, что «никто в мире, кроме кубинцев разве, хуже нас не живет», он всегда переживал обиду за Россию и наш народ.

*И вновь из дальних загранич
вернувшись, отмечаю с грустью,
всё ту же безысходность лиц,
зовущейся извечно Русью.
Вокруг все та же нищета.
Трещат все те же телеречи.
Народ, наличность подсчитав,
с надеждой ставит Богу свечи.
Но все трудней по жизни шаг,
где все трудней дорога злая,
когда в чем держится душа –
никто давно уже не знает...*

– Всего двенадцать строк, а какая выпуклая и достоверная картина нашей российской реальности! И все же в 1990 году вышла в Париже первая книга стихов Михаила. Как ему удалось передать туда рукопись?

– В Париже живет его родственница – Горичева Татьяна. Сейчас она теолог, доктор философии. Михаил был в заграничье, и судно зашло в один из французских портов. Он разыскал Татьяну и передал ей рукопись, ни на что не надеясь, и на время даже об этом забыл. И вдруг ... приходит посылка с двадцатью экземплярами. Не представляете, какое это было счастье! Потом еще штук тридцать подослали. К настоящему времени один или два экземпляра, кажется, сохранились. Теперь это подлинный раритет.

– Знаю не один случай в крае, когда чиновники от литературы вдруг «обнаруживали» таланты у людей после того, как их заметили и оценили, к примеру, в Москве или Санкт-Петербурге и там опубликовали. А тут – Париж... Повлиял ли этот факт на вступление Михаила в писательский союз?

– Михаил рассказывал, как один из мэтров краевой писательской организации предложил ему: «Давай так: ты спрячь эту свою парижскую книжку и никому не показывай, а я открою здесь тебя как поэта...» Михаил на эту сделку с совестью не пошел. Вступил он в Союз писателей уже после раскола в нем и образования альтернативного Союза российских писателей. Борис Мисюк, возглавивший тогда Приморское отделение СРП, разыскал Михаила через два радицентра по радиотелефону, он тогда на танкере «Горноправдинск» работал, у берегов Сахалина. Из Корсакова Михаил отправил Борису Семеновичу все необходимые для приема документы и книги. Членством своим Михаил никогда не бахвалится, но оно сослужило ему хорошую службу для самоутверждения.

– Михаил стойко переносил удары судьбы... Это чувствуется и по стихам последних лет. В них столько ироничной самооценки, на которую способны только мужественные люди. Чего, например, стоят эти вот строчки, которые просто до дрожи в теле пронизывают:

***Себя во всех грехах вина,
я пресловутый даже камень
извлек и выбросил, веками
обременявший суть меня.
И вот уже готов я вновь
дарить, как некогда, и дальше
и предающим, и предавшим
свою безропотно любовь.
Так почему день ото дня
плоть медленно, но верно тает,
как будто кто-то извлекает
квадратный корень из меня?..***

– В правы. Но жизненные неурядицы переживал он глубоко. К примеру, свою вынужденную «отставку» от моря, с которым было связано тридцать лет жизни. К тому же в 2000 году обнаружилось, что он смертельно болен. Книги «Одиночества» и «Трактир жизни», изданные в 2001 году, застали его еще в живых. А вот последний сборник – «Отражение» – рождался между жестокими физическими страданиями, бессонными ночами. Когда отказала правая рука, Миша продолжал работать левой, чтобы успеть отпечатать свой труд. В один из дней он передал мне диск с записанными стихами и больше к компьютеру не подходил. Однако Муза не покидала его, даже когда силы были уже на исходе. Он полупотом диктовал мне четверостишия, которые уже не вошли в этот сборник. В конце марта (это был 2001-й год) он попросил меня взять блокнот. Я приготовилась писать. «И вновь нахлынули стихи... поздно». Это была его последняя строка. Стихи он унес с собой. Выход книги «Отражение» (2003 год) он уже не застал. Это книга-завещание, книга-исповедь. Книга-память.

– Память... Говорят, человек жив, пока жива о нем память. Знаю, благодарная Находка чтит память о Михаиле Семеновиче как о Поэте и Человеке.

– Да, это так. Ежегодно проводятся городские вечера памяти поэта, его стихи печатают местные и краевые издания. Находкинцы поют песни на стихи Михаила, музыку написал Валерий Зюзюлев. При жизни ему вручались почетные грамоты и памятные медали за вклад в развитие культуры города. В литературном салоне филиала ВГУЭС открыта выставка, посвященная жизни и творчеству поэта. Подобная экспозиция работала на выставке в честь 30-летия Приморского морского пароходства. Кстати, свои экспонаты – макеты судов – представлял на этой выставке и наш внук Юра. Мы часто с ним бывали на судне у дедушки. Сейчас Юра занимается в судомодельном кружке. Свой «танкер» он назвал «Михаил Гутман». Помнится, горожане предлагали так назвать одно из вновь построенных судов, но пароходство сейчас переживает не лучшие времена. Будет ли танкер с именем «Михаил Гутман» когда-нибудь бороздить океанские просторы? А хотелось бы! Были предложения и доску мемориальную открыть, и музей-квартиру, но это пока слова.

– Самый лучший памятник писателю – это, конечно, его книги.

– Я сейчас готовлю новый сборник стихов Михаила. Сколько их в свое время ходило по рукам в списках! Сколько он написал посвящений друзьям, экспромтов! Я уже ко многим обратилась с просьбой прислать мне то, что у них сохранилось. Хотелось бы к 70-летию

со дня рождения поэта-моряка выпустить новый сборник. Дело за «малым»: нужны спонсоры. А с остальным я справлюсь.

– В одном из стихов Михаила есть такие слова: «Я был, я есть и буду снова...» Спасибо Вам, Тамара Петровна, что храните память о нем, помогаете людям прикоснуться к таланту поэта, его творческому наследию.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУМЛЕНИЕ ВАЛЕНТИНЫ КАТЕРИНИЧ

Закончилась наша беседа с хранительницей памяти и поэтического наследия поэта-моряка. С благоговением перелистываю страницы уже много раз прочитанного «Отражения». Вот и заключительный раздел этой книги – «Твоих друзей негромкие слова». Это воспоминания о Михаиле его друзей, товарищей по писательскому цеху, стихи, посвященные ему, отзывы о творчестве. Борис Мисюк, Галина Якунина, Геннадий Фокин, Евгений Лебков, Павел Шепчугов, Николай Тертышный и другие – поэты, художники, композиторы, журналисты, просто друзья по жизни... Очень теплые, искренние слова, благодарная дань истинному таланту. И невольно подумалось: сколько их, талантов, на Руси и как мало еще исследуется их творчество! Но Михаилу Гутману все же повезло больше других. На Интернет-сайте, посвященном его творчеству, размещена интересная статья Галины Якуниной, председателя Приморского отделения Союза российских писателей, – «Одиночество перед Словом». Думаю, в будущем читатели «Литературного меридиана» смогут ознакомиться с этим интересным и обстоятельным исследованием творчества и внутреннего мира поэта. Сегодня же я хочу остановиться на статье Валентины Катеринич, кандидата филологических наук из Хабаровска, – «Эпистолярный роман с Михаилом Гутманом», опубликованной в альманахе «Сихотэ-Олимп» за 2003 год (прародитель нынешнего «Сихотэ-Алиня»). Написана статья на основе живой переписки поэта и критика, а свел, подружил их Евгений Лебков, давний знакомый Валентины Катеринич еще по сахалинско-курильскому периоду его творчества. Статья Валентины Катеринич – это настоящее научное исследование. Книгу за книгой «раскручивает» она творчество поэта, раскрывает и его творческую лабораторию, и побуждающие мотивы, так что становятся понятными и объяснимыми и оттенки его мыслей, и особенности стиля в тех или иных обстоятельствах.

«Признаюсь, я испытала филологическое изумление от стихов Михаила Гутмана. Классический почерк, искusstное перо, интеллектуальная отвага, – пишет Валентина Катеринич. – Выходит, в Находке расположен восточный полюс русской поэзии, там с 1983 года живет и странствует по морям и океанам поэт-моряк Михаил Гутман, в прошлом ленинградец, теперь дальневосточник. Трудно удержаться от каламбура: поистине находка!»

«Ленинградская, Санкт-Петербургская нота придает приморской музе Михаила Гутмана особое очарование. Оттуда, с берегов Невы, истоки его поэтики. Язык старой русской поэзии для него живой. От тех огней, что светили ему на Балтийских берегах в пору молодости, – вдохновение стихов, написанных на мысе Челюскин, в

Атлантике, в Яванском море, в Гонконге, Иокогаме и других географических точках земли. Словом, нормальный классицизм. Как патент на благородство он получил уроки поэзии от самой Ахматовой».

Вспоминая атмосферу Ленинграда конца 50-х – начала 60-х, Валентина Катеринич (она тогда была студенткой филологического факультета ЛГУ имени А.А. Жданова) отмечает, что это была атмосфера «тайной свободы», которую создавали не только живые еще осколки Серебряного века, но и недавно ушедшие обэриуты с их абсурдистским юмором. *«Так что лирико-ироническая школа питерской поэзии легко объясняет характер творчества Михаила Гутмана, но далеко не исчерпывающе. Есть черта его поэзии, которой точное имя дал О.Э. Мандельштам в 30-е годы, – «тоска по мировой культуре». Речь идет и в том, и в другом случае не просто об эпигонстве, а о трансформации и развитии определенных традиций в рамках индивидуальной судьбы. Во-первых, Михаил Гутман состоялся как мореход и, перефразируя его самого, тридцать лет посредством вод наблюдал мир. При этом в силу профессии был оторван от литературного процесса, от группировок и тусовок. Во-вторых, обратное влияние: профессиональной жизни на поэтическое творчество Михаила Гутмана. Отторгнутый от суши на многие недели и месяцы, он напрямую общается с классиками посредством книг. В нем формируется живое и актуальное восприятие духовного наследия, отечественного и всемирного. Насыщенность его текстов образами мировой культуры – не орнаментальное украшение, не интеллектуальное щегольство, а органичный элемент сознания и поэтики...» «... В приверженности к классике Михаила Гутмана есть и восторженный наив, и морская свежесть, и легкая ирония».*

Действительно, кого только не окликает, с кем только не беседует Михаил Гутман: тут древнегреческие философы, и поэты эпохи Возрождения, и русские классики, и свои земляки. Разнообразна тональность этих обращений. Поражаешься и тому, говорит Валентина Катеринич, как гармонически удается поэту «объединить литературную красоту метафор с неприглядными реалиями обыденной жизни». *«Стихи радуют, потому что написал их свободный, искренний, мужественный человек».* Она отмечает и философскую направленность лирики Михаила Гутмана (*«Это поэзия мысли, не боящейся противоречий и неразрешимых проблем»*), и одиночество его лирического героя как неизменный мотив позднего Гутмана.

Не осталась незамеченной критиком и еврейская тема в творчестве Михаила. Трагически нездешняя, где-то на периферии, «она как и всякая национальная тема, не может не быть болезненной. Печально-иронически она звучит в триптихе «Попытка прогулки»:

Мне-то что. Я – Гутман. Я – не лезь.

*Я – молчи. Я лишь русскоязычен,
чем культуре русской неприличен...»*

«...Михаил Гутман – русский поэт и пишет о России, о чем еще?» – утверждает Валентина Катеринич и мы вместе с ней.

Но что лучше расскажет о поэте, как не его стихи? Они и удивят открытиями, и заставят задуматься, восхититься и изумиться.

УХОДЯ, УХОЖУ, ВОЗВРАЩАЯСЬ НА КРУГИ СВОЯ

Михаил ГУТМАН

* * *

Возвращаюсь.
Не то чтобы некуда
было мне деться –
мир не так уж и тесен,
как принято думать о том, –
просто я заблудился
в бессмысленных поисках
детства,
напевая «Ах, где ж эта улица,
где ж этот дом?»

«Странник странствовать
должен», –
сказала одна домоседка.
Не Кассандра. Не важно.
Не женщина даже моя.
Суть не в том, кто сказал,
а что сказано было-то метко.
Уходя, ухожу,
возвращаясь на круги своя.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕТЕРБУРГЕ

Вот и снова я переехал
в добротный, старый,
толстый дом,
в котором лестничное эхо
и шаг тебе вернет, и вздох,
и поцелуя отзвук давний
того, невинного, тогда...
Ах, трепет первого свиданья
уж не вернется никогда.

Но как сладка была отравла!..
А вот уже и мой этаж.
В квартиру двери. Боже правый!
Не вход ли это в Эрмитаж?

Какой размах! Резьба старинно
струится из-под потолка.
А за дверьми тепло камина,
а может быть, и камелька,

меня торжественно встречает
как старый, но забытый друг.
И вот уж грусть, сестра печали,
коснулась нежно сердца вдруг.

Паркет дубовый коридора
мне возвращает робкий шаг.
Вот двери комнаты, в которой
была так счастлива душа
в пленительном самообмане!

Ах, что не снится в океане...

* * *

Г. Горбовскому

Бреду себе на грустном веселе,
сбежав от безнадежных
разговоров
о смысле жизни, о добре и зле.
Башку от мира спрятав
в длинный ворот,
бреду себе на тихом веселе
ни друг ничей и никому не враг.
Как было бы прекрасно на Земле
жить, если бы поменьше
разговоров.

Бреду себе на грустном веселе
и сочиняю горестные строки
о том, как все, забыв о ремесле,
земные пропивают честно
сроки.

Навеселе, на грустном веселе
Лежу и плачусь, жалуясь
земле...

* * *

Да есть ли впрямь в России
место,
где можно было б скрыться,
деться,
лишь бы не видеть только глаз
разочарованного детства,
страной изъятого у нас,
но с экстатическим усердьем
твердящей нам о милосердии?..

* * *

Ох, шалунья, эта ель!
Шапка снега набекрень,
платье укорочено.
Кверху загнуты ресницы.
Ах ты ёлка-озорница!
Так и чудится: сейчас
топнет ножкою и – в пляс!

* * *

Вот и весна. А с ней надежды
на обновление души.
Ах, как легко сменить одежды!
Сменил и – радуйся. Дыши.

С такой же легкостью бы душу
менять по каждой по весне.
Сменил на новую и слушай –
как с сердца стает снег.

Как набухают томно почки
в своей таинственной красе.
Как распускаются листочки
огромной нежностью ко всем.

Как чье-то хрупкое сердечко
подаст в ответ свой робкий знак.
И я привечу чепуха,
которого досель не знал.

И лес, и поле с речкой между,
и в лето радостный уход...
Вот и весна. А с ней надежды.
Который год. Который год?

ЗАВЕЩАНИЕ

Когда умру – не надо гроба.
В матросскую оденьте робу –
и за борт. В море. По доске.
И не давайте власть тоске,
а вылейте по чарке водки
в свои простуженные глотки
за упокой моей души.
Да что б до дна всё осушить.
Потом скажите: – БЫЛ поэт.
Наш. Корабельный.
Был и нет.
Писал про море он всю жизнь
И честно море заслужил.

К СЛОВУ

Значит, я не от мира сего?
Ну а сами-то вы от какого?
Просто мир наш настолько
расколот,
что от мира – всяк суть своего...

ЛИТЕРАТУРА – ЖИВА!

Ольга ЛЕВАШОВА,
с. Чугуевка

Краткий обзор журнала «Сихотэ-Алинь» № 8 (2010)

В 2010 году вышло в свет два номера дальневосточного журнала «Сихотэ-Алинь». Свежий – восьмой – номер в издательской программе «Народная книга» Владимира Михайловича Тыцких стал семнадцатой книгой серии «Раритет». Учитывая, что журнал (а в прошлом альманах) издается на пожертвования и средства, вырученные от продажи изданий «Народной книги», можно сказать, что литература наша жива. Она поддерживает на плаву себя сама, потому что есть еще неравнодушные люди, которые не только читают или пишут, но и покупают книги или жертвуют денежные средства на их издание. А это говорит о том, что нужно еще что-то человеку, кроме гамбургеров и сетевых компьютерных игр.

Требуется душа чего-то чистого, доброго, светлого, такого, чтобы душу грело, чтобы о вечном рассказывало. Именно такие материалы опубликованы в новом «Сихотэ-Алине».

Виктор Бусаренко в рассказе «Слон» повествует об актере Евгении Михайловиче Шальникове. Он поражал зрителей талантливой игрой и мастерством перевоплощений на сцене Приморского театра имени М. Горького, а затем – Пермского драматического. Прозвище Слон отражало его добродушие и грузную внешность, а также и то, что слоны хоть и добродушны, но в разъяренном состоянии пострашней любого тигра. В этом, говорит нам автор, есть и зерно русского национального характера: «не трогай меня, а то...» Виктор Бусаренко рассуждает о том, что хоть искусство и вечно, однако искусство актера умирает вместе с ним. А вместе с его смертью забываются его роли и его актерская игра. И речь не только о Евгении Шальникове. Таких «слонов» – настоящих актеров, которых забывают, очень много. Уходит в прошлое гордое, высокое искусство, одним из представителей которого был Слон, которого невозможно представить уронившим свое актерское достоинство и опустившимся до уровня шута на чьем-то юбилее или свадьбе.

Журнал печатает Валентина Курбатова – проникновенное слово о человеке и Боге, который «любит всех одинаково, но каждого – больше», о Льве Николаевиче Толстом, осмелившемся быть в жизни и творчестве таким, что он останется с нами, пока живет русское сердце.

Владимир Крупин рассуждает о жизни, которая хоть и длинна, но не дольше, чем время горящей спички, и только душе нашей суждена вечность. Вернувшись через полвека на свою малую родину, герой рассказа «Жара» анализирует свою жизнь и жизнь вообще: «Не дивно ли – мгновение назад стоял над вырытыми могилами, а вот, уже старик, думаю о своей». Самыми яркими

и радостными остаются у человека детские воспоминания. Вот и герой вглядывается в свое детство: «Мера радостей жизни (мне) была отпущена преизлишняя». Он вырос в любви, и именно это: любовь родины и любовь к родине – заставляет героя испытать ощущение благодарности и счастья: «Это только подумать: ни за что, просто по милости Божией мне подарена такая родина. Такая река, такие леса и луга, такие люди. И за это счастье никогда не стану благодарить Бога».

Владимир Крупин остается верен заявленной теме и в другом произведении – «У каждого сына России четыре матери». «Четыре матери у нас: та, которая родила, мать – сыра земля, Божия Мать и Россия». С негодованием автор говорит о том, что многие улицы городов России названы именами тех, «кто убивал Россию»: Клары Цеткин, Розы Люксембург, Моисея Урицкого, Маркса и Энгельса, Михаила Калинина, Василия Чапаева и других. Владимир Крупин спрашивает: если все они уже в аду за разрушения и убийства, «зачем нам-то пачкаться их именами и фамилиями?» Есть же настоящие герои родины, такие, например, как презревшие смерть и павшие в неравном бою в Чечне псковские десантники Шестой роты, название которой хочется писать с большой буквы.

О жизни и службе «крылатой пехоты» рассказывает десантник Сергей Миронов в воспоминаниях об армии «Десантники». Обыкновенный парнишка, который даже не знает, что такое «ВДВ» – для него это такой же набор букв, как и «АБВГД», – на глазах читателя становится настоящим мужчиной, военным, героем. И описано это простым, живым языком, понятным даже для совершенно далеких от армии людей. Особая манера автора – описывать трудности и лишения военной службы через призму юмора, да так, что после прочтения кажется, служить в ВДВ – весело! Например, первый прыжок с парашютом герой, как все обыкновенные люди, боявшийся высоты, описывает так: в самолете за ним сидел Слава Поворотный, высокий и весом в два раза больше героя, хотя обычно самые тяжелые прыгают первыми. «Объяснение оказалось простым – ротный не исключал, что курсант Миронов испугался и сачканул первый прыжок и попросил Славу, если я замешкаюсь, помочь мне, то есть немножечко подтолкнуть пинком под зад». Но делать этого не потребовалось. Хоть у курсанта «мандраж был суровый», но «еще больше, чем самого прыжка он боялся испугаться, струсить и на глазах товарищей оказаться отказчиком», о своем настрое он говорит так: «У меня было такое ощущение, что если бы даже парашют с меня сняли, я все равно сиганул бы в дверь». Не все имеют возможность служить в частях ВДВ и прыгать с парашютом. Но какими будут ощущение

ния от прыжка, мы можем узнать у курсанта Миронова: «Я (...) оказался за бортом. Ветер, меня куда-то крутануло, и в ту же секунду я почувствовал сначала, что меня кто-то схватил за шкуру, и буквально через две секунды с неповторимым шелестом, а потом резким хлопком, в результате которого меня сильно встряхнуло, раскрылся купол. Первое, что почувствовал и услышал: тишина. (...) Меня переполнял необыкновенный восторг, и я заорал что есть мочи». Когда курсант удачно приземлился, его восторг разделили боевые товарищи. И все они, наверное, думали, как курсант Миронов: «Самое главное – я не подвел своих».

Из таких восторженных, но преданных родине парней вырастают настоящие защитники Отечества. Один из них – герой одноименного произведения Василия Самотехина – «тот самый» морпех Гуцин, Герой Российской Федерации. «Тем самым» капитан Андрей Гуцин стал благодаря своей боевой работе и верным подчиненным, не раз спасавшим его и себя от смерти.

Василий Самотехин не скрывает от читателя ужаса военных будней. Свежеприбывшие в чеченский Моздок морские пехотинцы, как и большинство читателей, имели представление о войне только из книжек и кинофильмов. А окунувшись они в военную реальность с головой: «Грохот стоял такой, что казалось: разверзлось небо над головами». И с этой реальностью они жили, а проверяла она их «на вшивость» каждое мгновение. Особенно в бою, который автор назвал мигом истины: «Великий и священный миг, миг истины! Все были в этот момент равны, все носили тельняшки и называли друг друга братишками, все после первых боев верили друг другу, как самим себе. А еще – офицерам, потому что видели, как те их берегут. (...) Уцелеть в таком аду трудно всем: и офицерам, и солдатам, и верующим, и атеистам». Морские пехотинцы проверку боем выдержали с честью. Неудивительно, что их боялись «чечены» и называли «солдатами из ада». Вряд ли можно победить

солдат, которые, зная, что могут в любой момент погибнуть, все же остаются людьми, и не просто людьми, а братьями друг другу, породнившись через это огневое, боевое крещение.

О таких же качествах людей на войне, только уже не на чеченской, а на второй мировой, повествует Сергей Юдинцев в рассказе «Ее единственный портрет». Это реальная история из короткой жизни девушки Любани. В условиях, когда можно в любой момент погибнуть, она спасала жизни, любила, да и вообще – жила, еще более ценя каждое мгновение. Ценой своей жизни Любана спасла жизнь любимого человека. Закончилась война, жизнь стала налаживаться. Но ни тот, ни другие спасенные Любаней люди ее не забудут: один заберет на память себе ее портрет, а другой «до малого штришочка» сохранит его в глубинах своей памяти. А думать они, наверное, будут об одном: что видят эту «мирную, светливую, еще не налаженную жизнь благодаря Любани, принявшей на себя смертельный удар», который вполне мог достаться им.

Не буду пересказывать весь журнал, но хочу искренне, от всего сердца порекомендовать его всем, кто любит настоящую литературу. Проза Василия Шукшина, Лидии Сычевой, Владимира Гаманова, стихи Александра Куликова, Марианны Смирновой, Владимира Силкина, Сергея Васильева никого не оставят равнодушным. На какие бы темы ни писали авторы «Сихотэ-Алиня», объединяет их живость души, тонкость восприятия и передачи жизни, человеческих чувств.

О живой душе, открытой миру и людям, строчки поэта Александра Куликова: «А мир дается в ощущениях, Он субъективен, этот мир». Но такая субъективная жизнь в ощущениях и красках дается, «когда, бия крылами темными, Над каждым мечется душа». Пожелаю и авторам, и читателям, чтобы их душа всегда искала, парила. Жива душа – жив человек.

Рисунок Геннадия БОГДАНОВА, г. Хабаровск

ЖИЗНЬ ВСЕГДА ИНТЕРЕСНА...

Евгений ЛЕБЕДЕВ,
г. Иркутск

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Незаметно сентябрь подойдёт,
Журавлей приглашая к полёту.
И появится в лужицах лёд,
И дождей зарыдают фоготы.

А когда запорхает листва,
Грянет милая сердцу работа:
Запечаю мысли в слова,
Словно мёд в золотистые соты.

Гриф гитары согрею рукой,
Зашифрую мелодию в ноты...
Переполнен осенней тоской,
Пропою вам печальное что-то.

И неважно, что скажет молва,
(А она своего не упустит!)
Этой песни простые слова
Станут гимном восторга
и грусти.

* * *

Угольками в золе
Еле теплится лето.
Охладела вода
В обмелевшей реке.
На остывшей земле,
Ожидая рассвета,
Где-то спят города
От меня вдалеке.

Но заря не спешит.
Кисеёю тумана
Занавешен от глаз
Изумительный плёс.
Ветерок ворошит
Облетевшие рано,
Золотые на час,
Украшенья берёз.

Спят в корягах ленки,
Дремлет хариус в яме,
Отдыхает таймень
От охоты ночной...
И душа у реки
Молодеет, как в храме.
И рождается день
У меня за спиной.

Сколько будет ещё
Этих дней и рассветов,
И ночёвок у речки,
И пойманных рыб?
Кто ведёт этот счёт?
Вот кончается лето
И берёзы как свечки
Между каменных глыб.

Краток осени сон,
Но и осень чудесна.
Что отмерено мне –
Всё приму без обид.
Горевать не резон,
Жизнь всегда интересна...
Пляшет ремез на пне,
Ветер воду рябит.

* * *

Ноябрь нескончаемо долог,
Но всё-таки день ото дня
Зимы опускается полог,
Растёт ледяная броня.

Маня долгожданными снами,
Туманя озябшую даль,
Зима развернула над нами
Пушистую белую шаль.

Курчавого дыма волокна
Из труб поднимаются ввысь,
Узоры осыпали окна,
Морозы за дело взялись...

Предзимье сменилось зимою.
Румяня дорожный накат,
Малиново-сизой каймою
Таинственно тлеет закат.

* * *

Конец декабря. Полнолуние.
Загадки заснеженных пней.
И мною подписана уния
С державою синих теней.

Несмело вхожу в зачарованный,
Загадочно дремлющий бор,
Где сосны в снегу замурованы
Высокие, как на подбор.

Какие-то странные шорохи,
Какой-то таинственный треск,
Созвездий туманные ворохи,
Луны новоявленный блеск.

И жутко, и сладко, и, кажется,
Распутая хитрый силок.
Вселенская тайна развяжется,
Как самый простой узелок.

Но тщетно взываю к Фортуне я,
Всё туже узлы, всё тесней...
Коней декабря. Полнолуние.
Загадки заснеженных пней.

* * *

Февраль. Полночная прогулка.
Безлюден пригородный лес.
И сердце вздрагивает гулко,
И в звёздах свод седых небес.
Ковшом Медведица Большая
Мешает звёздную уху.
Греша, проступки совершая
И каюсь, словно на духу,
Пред этой тайной мирозданья
Стою застыв, оцепенев,
Забыв легенды и преданья,
Забыв свой страх,
смирив свой гнев...

* * *

Ещё февраль, но кончилась зима!
Сугробы сжались,
съёжились, осели.

Речитатив навязчивой капели
Настойчиво врывается в дома.

Снегов и вьюг иссякли закрома.
Морозы в одночасье ослабели.
Зима прошла. Ветра её отпели.
Кричат коты – коты сошли с ума.

Отчаянно, не дожидаясь марта,
Вопят в пылу любовного азарта,
Весеннего предчувствия полны...

И тает снег, и воздух, как в апреле
Оживших птиц серебряные
трели
Приветствуют рождение Весны!

ЧАСТИЦА СЧАСТЬЯ

Олег МАНЗАНОВ,
с. Архиповка, Приморский край

СТАРЫЙ ВОКЗАЛ

Ты обезлюдел,
старости подвержен,
заброшен, словно
лодка и раки.
Уже не будет
изумрудно-нежным
твой потускневший
камень-миасскит*.
В избушке рядом,
где багаж сдавали,
ручную кладь
не примет старичок.
Лишь в темноте
мелькнёт на перевале,
в торце вагона
красный светлячок.
Ты пробуждал
надежду в каждом доме,
без выходных,
без отдыха служил.
Твои платформы –
добрые ладони,
без тех ладоней –
город бы не жил...
Опять снега метут,
и льют дожди,
и залы опустели
сиротливо.
Но чудо-жизнь
по-прежнему в пути,
пока слышны
гудки локомотива.

* **Миасскит** – разновидность гранита в окрестностях города Миасса

В ЛЕСУ

Опять истаивают сутки,
берёзы грустное таят.
Молчат о чём-то незабудки,
и колокольчики грустят.
Здесь кислород вбирают вены,
всё меньше углекислоты.
Любые тайны откровенны,
как перед свадьбой сваты.
Здесь муза царствует беспечно,
хмельна от зелени глуши.
Здесь словно найденное –
вечно,
поскольку зреет от души.

ПТАХА

За окном промелькнуло крыло
озабоченно мчащейся птахи.
Только ей не тужить о былом,
для неё – настоящие страхи.

Диалектика жизни проста
и мудра, как пернатое тело:
отдохни, если очень устал,
или пой, коль душа захотела.

И не надо излишних забот,
они тоже бывают фальшивы.
Чему быть, то от нас не уйдёт
в вечном споре труда и наживы.

Не стесняйся понять муравья,
неуёмного в сушь и ненастье.
В этом, может быть,
мудрость твоя
и частица какая-то счастья.

В ПАРКЕ

В тёмном парке, завлекая,
рыщут девочки-подростки.
На оплату намекая,
ждут «любви» и папироски.

От безделья хороводят,
размалёванное торта.
Обожателя находят –
покровителя от спорта.

Низким вкусам потакая,
ложь пускают в оборот...
Неразборчивость мужская
у них детство отберёт.

ФАНТАСМАГОРИЯ

Темень. Минус
двадцать за окнами,
в комнате около
двадцати плюс.
Мигрень. Флюс.

Мозги распухают,
разрастаются глаукомой.
Зло – злокачественно –

во лжи глобальной.
Комета Галлея мечется
тропой знакомой,
словно грешник, посеявший,
надежду в исповедальной.

Скорбь всепродаети
весела и бездонна,
за мраком, сплошь-
мракобесие и резня.
Седины на свалках,
юность бездомна.
«В зелёных» – рабы одни,
в рабах – «голубизна».

«Зелёные» – доллары США.

«Голубизна» – извращённая половая
ориентация.

УЩЕРБНОСТЬ

Знал я ливни, влагу рос,
по утрам и ночкам.
Безотцовщиною рос,
маминим сыночком.
С недостатка не гнусил,
не был всех слабее.
Молча боль переносил
с участью плембя.
Для живущих – день-деньской –
суета и бденье.
От ущербности людской
Не найти спасенья.
Глупым – алкоголь глушить,
слабым – совращаться.
Мне – от рожиц не спешить,
С бором не прощаться.

ИДЕАЛИСТ

Жестоких лет идеалист
доволен тем, что солнце светит.
Сухой на древе жизни лист,
сорвусь – никто и не заметит.
Пью одиночества настой,
в тоске не мучаюсь по раю...
Чем ближе телом «на постой»,
душой всё тоньше выгораю.

От редакции.

Поздравляем Олега Дмитриевича
с юбилеем, который он отметил в
минувшем марте. Здоровья Вам и
новых творческих открытий!

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Владимир МОНАХОВ,
г. Братск, Иркутская область

ТОЛСТЫЙ

(записки мальчиша-плохиша)

Хоть и палач, но все же – человек!
Надпись на школьном заборе в Изюме

С первого класса я учился с Вале́й Б. из нашего двора. Девочка она была болезненная: слабенькая и худенькая. Часто пропускала уроки, и ее мама поручила мне опекать подружку. И я опекал – по дороге в школу и домой. Как-то по пути после уроков говорили обо всех наших одноклассниках. Перед домом стали обсуждать наших «толстунов».

– У нас в классе три толстяка!– сказал я.
– Четыре!– самоуверенно поправила меня девочка.
– И кто четвертый?– немало удивился я.
– Ты! – без сомнения, простодушно ответила худенькая Валя.

– Не может быть! – был поражен этим откровением девочки я, поскольку всегда считал себя большим, крупным, но не толстым. Тем более что до этого случая никто и никогда меня этим не попрекал.

– Конечно, ты вон какой толстый, – настаивала на своём Валя, размахивая передо мной тоненькими ручками.

Но я слушать ее дальше не стал, а побежал домой. Бросив портфель, сняв куртку и одежду, в одних трусах остановился у зеркала и принялся себя внимательно рассматривать. Ничего толстого в себе я не находил. Видел себя большим, крупным, сильным – для пущей убедительности сжимал руки, демонстрируя скромные мальчишеские бицепсы.. Видел себя в отражении, ну, никак я не толстым, а всё это эта завистливая милюзга придумала.

На следующий день я уже шел в школу самостоятельно, и вернулся без Вали. В классе я держался от нее подальше. Валя почувствовала перемены в наших отношениях и тоже держалась особняком.

Через две недели мы столкнулись с Вале́й во дворе. Я был со старшими мальчишками, которые принялись дразнить хлипкую девочку. Я тоже поддержал их обидные слова. До этого Валя терпеливо сносила брань других мальчишек, но когда к ним присоединился её бывший друг, то она неожиданно бросилась на меня с кулаками. И в ответ я начал её бить.

Я бил её изо всей мальчишеской силы, вкладывая в удар всю недетскую мощь, которой уже был наделен. Валя отлетала от моих ударов, но я догонял ее и сно-

ва бил. Бил руками и ногами, под дружное одобрение соседских пацанов. И остановился только тогда, когда меня скрутили взрослые. Окровавленная девочка с трудом уползла в свой подъезд, где ей навстречу с криком бежала мама.

Вечером пришла к нам мать Вали. Она кричала, плакала, говорила, что Вале вызывали врача, она так пострадала.

– За что? – не понимала мама Вали. – Вы ведь так дружили!

Я молчал. Потом приступила к разбирательству моя мать. В руках у нее был тяжелый аргумент – ремень, который она пустила в дело. Она тоже спрашивала – за что ты, зверь, избил девочку? Но я упорно молчал. Я сам не понимал – за что я побил хрупкую, болезненную Вале́ю, потому что не помнил – с чего началась моя обида на нее?

И молчал всю жизнь, до этой минуты, когда вы все узнали вместе со мной подлинную правду. Потому что только сейчас, когда я стал большим и, как справедливо заметила Валя, толстым, эти два эпизода у меня связались воедино.

ЛОПАТА

Рою могилу –

Что-то кольнуло в боку.
Земля зовёт!

Из надписи на кладбище

Утром из окна кухни Степан Семенович увидел, что в огороде стоит лопата. Инструмент с коротким черенком одиноко высился на заснеженном поле, глубоко проникнув штыком в мёрзлую землю, подавая слабый, почти неуловимый сигнал, что находится не на своем месте. Степан Семенович удивлённо смотрел на лопату, перебирая в мыслях, как она там могла оказаться, и медленно, медленно, перекатываясь с одной думки на другую, вдруг споткнулся о главное – лопату оставила в огороде Тамара Ивановна.

Это воспоминание обожгло слезами глаза, Степана Семеновича отшатнуло в сторону. Чтобы не упасть, он оперся руками на обеденный стол и до детали вспомнил всё-всё, каждый из семи дней, которые он прожил без жены: как скоростижно она умерла, как набегали соседи, подъехали друзья, прилетели из далеких городов дети, а потом в единой похоронной процессии шли за гробом до самого кладбища, густо заросшего молодыми деревьями. Кладбище было старым, разбитым неког-

да в лесном массиве. А теперь молодая поросль брала свое, стараясь стереть с лица печального места уныние, вернуть изначальную красоту, поглотив могильный траур красно-желтой осенней веселостью юного подростка. И с активными зарослями лесного наступления уже никто не боролся, оставив на попечение природы судьбу кладбища.

Омытыми слезой глазами Степан Семенович смотрел на лопату в заснеженном огороде. За эту неделю, что он прожил без жены, двор замело, укутало снегом, и расцвеченная листопадом чернота осени уступила место снежно-небесному чистопаду, хотя за текущим годом еще числился октябрь. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: в здешних местах осень была коротка, и зима всегда приходила рано, не равняясь на календарь.

Степан Семенович вялым движением снял с вешалки пальто, надел его, сунул ноги в валенки и пошел к выходу. Выждав, когда глаза привыкнут к активной белизне округи, Степан Семенович осторожно спустился с крыльца и пошел в огород, где сиротливо стояла лопата. Он шел неторопко, набивая свежую тропку и вдыхая пронизывающий холод утра.

«Странно, – думал он по пути, – как это раньше я не замечал лопату в огороде?»

Степан Семенович и Тамара Ивановна прожили вместе пятьдесят два года, и в их семье предвещалось, что раньше умрет, по состоянию здоровья, муж. Тамара Ивановна всегда старалась пресекать этот бесконечный разговор о грядущих похоронах, который с годами возникал между ними всё чаще и чаще. Но Степан Семенович относился к нему с ответственной серьезностью и, не обращая внимания на возражения супруги, каждый раз давал всё новые распоряжения, ежели ему будет суждено умереть прежде. Но вышло так, что первой ушла Тамара Ивановна. Умерла на ходу, на бегу, в заботах между кухней и огородом, который она в последние дни старательно копала, готовя землю, как она приговаривала, к зимней спячке. Копала усердно, все боялась не успеть, и потому лопату не убирали, а оставляли там, где заканчивала очередную порцию работы.

Степан Семенович погладил ладошкой рукоять, которая была отполирована неутомимыми руками жены, не почувствовав ни одной шероховатости под дрожащими пальцами. И вспомнил, как пять лет тому назад по просьбе Тамары Ивановны сменил сломавшийся черенок, позвал жену и торжественно вручил обновленный инструмент. Тамара Ивановна потерла рукавицей по свежему дереву, потом несколько раз копнула лопатой землю и молча кивнула, одоббив работу мужа. Степан Семенович напряг память, попытался еще что-то вспомнить из истории лопаты, но тут его окликнул сын.

- Папа! Ты что там стоишь?
- Да вот, + лопата осталась...
- Что с ней делается?
- Мать копала огород и не докопала.
- И ты собираешься сейчас копать?
- Копать? Нет, копать уже поздно. Просто лопата стоит тут, и я вот думаю...
- И пусть она там стоит, потом уберем.
- Убирать не надо, – осенило Степана Семеновича. – Пусть стоит здесь.
- Да, пусть стоит, никому не мешает, – согласился сын.

- Только не убирайте, – настаивал Степан Семенович.
- Да никто ее не уберет! – успокоил отца сын.
- Пусть так и стоит, а я весной докопаю, – принял решение Степан Семенович и впервые после смерти жены почувствовал рядом с собой присутствие Тамары Ивановны. Какой-то успокаивающей надеждой откликнулась его душа на согревающую мысль, что она никуда не ушла, пока стоит в огороде её лопата, пока осталось незавершенным её дело, которое сможет закончить только Степан Семенович.

ЛИЛСЯ ВОЗМУЩЕННЫЙ ЧАЙ

Когда-то я любил ходить в гости к Оле Кеппул. Много разговаривали, иногда читали друг другу стихи. Как-то за разговором Оля забыла про готовящуюся на плите еду, и блюдо подгорело. Но вместо бабского крика, причитаний, ахов и охов Оля тут же написала стихотворный экспромт, который каким-то чудом сохранился среди моих бумаг.

*Лился возмущенный чай,
И котлеты подгорали.
Погрузив глаза в глаза
Мы стихи с тобой читали.
Час пройдет, и ты уйдешь,
В дом напротив тебя звали.
А за ужин пред семьей
Оправдаюсь ли?
Едва ли!*

- И часто пишешь? – спросил Олю.
- Частенько! Но в основном, когда в магазине в очереди за чем-нибудь стою, – просто ответила она. – Но редко записываю.
- Почему?
- Зачем? Главное – сочинить. А забылось – туда ему и дорога.
- Прошло немало времени в разъединении. Снова встретились как-то. Я вспомнил про ее способность к рифмовкам, напомнил ей тот эпизод и спросил, пишет ли она?
- Больше стихов не пишу! – призналась подружка.
- Почему?
- Времени нет!
- Да куда же оно делось? Сейчас в магазинах всего полно, в очередях стоять не нужно, свободного времени должно быть с избытком для стихов.
- Вот и плохо, – высказала сожаление Оля о потерянных неудобствах советского времени. – Раньше, пока я в очереди стояла, столько успевала о жизни передумать и насочинять всяких куплетов. А сейчас все в магазинах быстро – товар деньги, чек. Некогда остановиться, задуматься. И вся жизнь теперь так. Бегом, а значит, мало-словесно.
- Жалеешь?
- Иногда жалею!
- Господи, подумал я, это, наверное, единственная женщина в нашей стране, которая искренне пожалела об очередях, разрушивших в том числе СССР.

УЛИЦА БЕЗ ДОЖДЕЙ

Игорь ФЕДОРОВСКИЙ,
г. Омск

Мы все рождаемся, чтобы умереть, и умираем, чтобы родиться. Зеленые листья, бодрые и живые весной, осенью становятся сухими, и мы топчем их своими безжалостными ногами. А весной снова на деревьях появляются листья, рождаются, чтобы умереть.

Мне осталось жить только три месяца, и я больше не увижу, как вновь нальются жизнью листья моих любимых яблонь. Я уйду холодной зимой, в дом, который все позабудут, обходя его стороной, боясь, что кому-нибудь из них придёт счёт за мои похороны. У меня нет родных, а в карманах моего грязного серо-зелёного пальто только немного хлебных крошек, которыми я угощаю нахохлившихся воробьёв на улице. У меня есть дом, в котором Рахиль когда-то намеревалась свить уютное семейное гнёздышко. Но это было давно, я уже потерял счёт годам, помню только, что нам было хорошо в этом доме. Нам... Потом Рахиль попала под грузовик, возвращаясь от знакомых с Чёрного бульвара, и я остался один, и дом старел вместе со мной: он, бывало, слушал мои мысли по ночам и тихо вздыхал, жалуясь на побитые окна и протекающую крышу. Знакомые стали меня сторониться, поговаривая, что я постепенно схожу с ума на своей вилле. Даже доктор появлялся редко, забегая на минутку лишь потому, что нужно забежать, а уж почтальон и вовсе проходил мимо: некому было мне писать и не от кого ждать ответа.

Каждый день я беру свою тяжёлую палку, понимая, что настанет день, и я просто не смогу её поднять. Левая моя нога уже не чувствует ни боли, ни холода – она вообще ничего не чувствует, а лишь волочится по дороге, словно дорогая, но бесполезная ноша, с которой тяжело расстаться. Мальчишки обзывают меня оловянным солдатиком, они хорошие мальчишки, потому что читали Андерсена, любимого писателя моего детства. Взрослые с презрением смотрят мне вслед, норовя выкрикнуть какое-нибудь ругательство. Но я не слышу плохих слов, а хорошие мне сейчас никто не скажет.

Мне тридцать семь, но я старик, не брившийся лет сто, опирающийся на палку, в единственном

серо-зелёном пальто, которое добрый хозяин давно выбросил бы на свалку.

И каждый день я хожу на одну и ту же улицу.

На этой улице никогда не было дождей. Сухой почерневший асфальт, на котором дети играли в классики, чудом выжившие кусты... Здесь не росли деревья, они боялись этой улицы, боялись хозяйничавшей здесь пыли, ненавидели обжигающе-голубое небо с ядовитым солнцем посередине. А я приходил, опускался без сил возле пересохшего колодца, глядел, как дети играют в классики. Порой даже смеялся. Случалось, какая-нибудь любопытная девочка оборачивалась и глядела на меня, а я улыбался ей и махал рукой, надеясь дожждаться ответной улыбки. Но дети боялись меня, боялись моих воспалённых жёлто-зелёных глаз, которые цеплялись за каждого встречного, пытаюсь хоть в ком-нибудь найти понимание. Но меня боялись и презирали, и только старый пересохший колодец всегда меня понимал. Мы были похожи с ним: как и меня, его обходили стороной; как и я, он мог отражать солнце и нести радость людям, да кончились наши силы, и ничего мы уже не могли. Оставалось только ждать... Мне – три месяца, а ему, может, больше, пока песок и мусор окончательно не сровняют его с землёй.

Мы все рождаемся, чтобы умереть. Все думают, что солнце вечно, но когда-нибудь и оно погаснет, устав от вечной работы. И эта улица исчезнет – я вижу здесь пустыню, холодную, мёртвую, беспощадную. Ничего не будет, только ветер, песок и вечная ночь без слёз и улыбок.

Мы все умираем, чтобы родиться. Я иногда бываю у соседей, там родилась маленькая девочка. Это Рахиль. Я узнаю эти огненно-чёрные глаза, которые когда-то свели с ума меня. Но мне не дают приблизиться к девочке, а она тянется ко мне своими маленькими ручонками, словно пытается что-то сказать. Но не может. А я обречён и уже не услышу, как она произнесёт первое слово, кто знает, может, это будет моё имя. Но мне этого никогда не узнать.

Мне осталось жить только три месяца...

И так красиво цветут яблони весной!..

МНОГО ХОРОШИХ СТИХОТВОРЕНИЙ?

/Обзор поэзии «Литературного меридиана» № 2, № 3, 2011 г./

Александр БОНДАРЕНКО,
г. Арсеньев

Прочёл номера 2 и 3 «Литературного меридиана» за 2011 г. Хочу остановиться на поэтических публикациях авторов «ЛМ». У большинства поэтов стихи хорошие – это литературные произведения. Я не критик, а читатель, поэтом не стану сравнивать, что хуже, что лучше. Хотя всегда прислушиваюсь ко всему критическому, у меня есть точка зрения: критика – это сложное и противоречивое исследование, никогда не прекращающееся. Полагаю, что основное мерило в творчестве стихотворцев – это русский литературный язык. Публикации в № 2, 2011 г., **Марины Зайцевой, Олега Матвеева, Веры Аксёновой** слабые, в них много неточностей. С литературностью в подборке **Валерия Кулешова** проблем нет, но в стихотворении «Девки»: «Рука корявая проворно хозяйничает над столом» литературный язык нарушен. Рука ни к кому и ни к чему не привязана, правильно: «Рука Москвы», «у нас длинные руки», «рука старушечья» и т.д.

Слово «как» литературное, но обращаться с ним надо осторожно. В среде профессиональных литераторов на этот счёт бытуют разные мнения, но у меня, рядового читателя, возникли сомнения в художественности языка авторов, применяющих необдуманно литературное слово «как» в сочетании с другими литературными словами (после таких строк): «Другим наука? **Как бы** не так!» – Вера Гундарева; «Молитва. **Как ни** темна, **как ни** трудна жизнь россиян, **как ни** убога...» – **Николай Зиновьев**. После прочтения прекрасных стихотворений (№ 3, 2011 г.) Н. Зиновьева нисколько не сомневаюсь в литературной грамотности поэта – с грустью осознаю, что Н.З. сознательно отстаивает свою позицию. Почему-то вспоминается предложение литератора, пожелавшего остаться неизвестным, сочинять образно: «Как! Как! Как! Так! Так! Так!» Опираясь на классиков, полагаю, что подобное стихотворчество не красит художественную литературу. В № 3, 2011 г., нахожу: «Братие! Не вечное ли сеем?», **Юрий Кабанков**. Согласен: классик «вечное доброе» сеял – это понятно. Автор говорит о посеве «вечного ли» – не понимаю. Кроме того, литературная частица «ли» плохо сочетается с другим литературным словом «сеем». Ю.К. талантливый, образованный, состоявшийся поэт: «И дух речной воды на краешек колодца присаживается и зажигает трубку...», Ю.К. Прекрасно! Хочется в его публикациях находить только такую поэзию.

С интересом прочёл «Угол зрения (вопросы к известному критику)», № 3, 2011 г., **Эльвира Кочеткова**. Не владею информацией о всех приморских писателях, критиках и литературных изданиях, но хочу опровергнуть авторское высказывание о приморской поэзии по тем позициям, что мне хорошо известны. Э.К. говорит о малочитании **А. Лобычева**, который свёл все литературные издания к одному альманаху «**Рубеж**», и приводит в качестве примера литературный сборник – арсеньевское «**Синегорье**»... Прочёл все пять выпусков «Синего-

рья». Хочу сказать Э.К., что литературным это издание не является, поскольку книги были изданы литераторами-любителями, далёкими от совершенства, и без рецензий профессиональных литераторов. И по содержанию сборники соответствуют любительской литературе, с обилием неточностей. Э.К. пишет: «Насколько состоятелен разговор о приморской поэзии без (хотя бы)... В. Гундаревой?» Пытаюсь разобраться, открываю «Литературный меридиан» № 2, 2011 г., в котором опубликованы новые стихотворения В.Г., читаю. Не поворачивается язык назвать литературой вот такие стихи В.Г.:

Мне голову морочат демагоги.
Так много слов, а дела нет – увы.
Ах унести б от жизни ноги,
Не потеряв при этом головы.

Нововведение

Вход свободный, выход – нет.
Выходной купи билет,
И тогда из проходной
Ты уйдёшь на выходной...

Не поэзия – это бессмыслица.
В публикации В.Г. есть и такое:

Некто ринулся в поэты...
Зря надеется народ.
Если Некто канет в Лету,
Он обратно не всплывёт.

Вторая строка сомнительна – поэт не депутат. Четвёртую строку не вижу совсем. И Некто жалко. Он смотрит на жизнь глазами другого мира. Представляет себе, что оседлал Пегаса и парит над Парнасом, высматривая укромное местечко, – а в жестокой действительности он взлетел от точного попадания пегаскина копытца... С высказыванием Э.К., что рановато из ряда современников исключать **Г. Лысенко**, согласен. Судьба подарила мне возможность неоднократно общаться с поэтом Геннадием Лысенко. Он работал на «Дальзаводе» в литейном цехе обрубщиком. Был передовиком производства. Знаю, что он бережно, по-рабочему, относился к литературному слову. Свои стихи оттачивал до совершенства. В них не только слова, но и знаки препинания стоят, словно влитые. Из жизни он ушёл рано, с большим нерастратенным творческим потенциалом. В 2010 г. Э.К., участнице автопробега, на встрече с любителями литературы в городе Арсеньеве (после её речи о том, что в современной приморской литературе много хороших поэтов – было названо много имён) я сказал: поэтов много – стихов мало – потому что соприкоснулся с поэзией Г. Лысенко. Если будут сегодняшние поэты работать, как трудился Г.Л., возможно, и в современном ряду приморской литературы будет много хороших стихотворений.

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ...

Фрагменты из будущей книги

Василий САМОТОХИН,
г. Санкт-Петербург

Смею утверждать: полковник в отставке Артемий Георгиевич Акинфеев, уникальный сотрудник Главного управления контрразведки «Смерш». Его работа не нуждается в журналистских домислах. Она столь тяжела и кропотлива, отличается порой таким нечеловеческим напряжением и титаническим трудом, что тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить...

Его имя долгие годы было никому не известно. Да, немало еще славных имен, составляющих гордость России, «заперто» в секретных сейфах разведки и контрразведки. Кто знает, возможно, когда-нибудь придет и их час. А вот час Артемия Георгиевича, к счастью, наступил. Недавно с его дел снят гриф секретности. А вспомнить ему есть что.

На счету ветерана «Смерша» около 30 выявленных и арестованных агентов иностранных разведывательных и контрразведывательных органов. Именно он в 1943 году разоблачил и арестовал майора Главного разведуправления наркомата обороны Демченко, который был завербован в Германии в 1939 году.

В 1946 году разыскал и арестовал бывшего агента немецкой разведки по имени Андрей, выпускника разведшколы «Абвера».

Через год разоблачил агента американской разведки, который был переброшен в Советский Союз под видом репатрианта, а в 1950 году старший оперуполномоченный особого отдела ТОФ Акинфеев принимал участие в поиске и задержании агента американской разведки.

В 60-е годы при непосредственном участии подполковника Акинфеева, совместно с местным управлением КГБ, были проведены мероприятия по задержанию помощника военного атташе посольства США и военно-воздушного атташе этого посольства. Оба выдворены из СССР.

В последний год своей службы подполковник Акинфеев выявил агента японской разведки. Ориентировки по этому шпиону были разосланы в контрразведывательные органы еще 25 лет тому назад. Этот человек проживал не в Японии, а в городе Томске.

Сослуживцы говорили об Акинфееве как о контрразведчике-психологе. Он был наделен особым талантом находить среди людей единомышленников, способных со временем стать источником ценной информации. Врожденным даром вызывать доверие таких людей и склонять их к сознательной агентурной работе обладал

Артемий Георгиевич АКИНФЕЕВ

Артемий Георгиевич. Его начальник, майор В. Юрчиков, называл Акинфеева «маэстро вербовки».

...В ноябре этого года Артемию Георгиевичу исполнился 91 год. Живет он в Новосибирске в скромной квартире, рядом с железнодорожным вокзалом. К приезду корреспондента он надел праздничный костюм с полным набором орденов и медалей. Среди них – два ордена Красной Звезды и нагрудный знак «Ветеран военной контрразведки».

Полковник в отставке Акинфеев обладает энциклопедической памятью. Когда он выступает перед коллегами, к своим рабочим записям в блокноте прибегает редко.

Более полувека прошло со дня окончания Великой Отечественной войны, но Артемий Георгиевич ясно помнит многочисленные фронтовые

эпизоды, боевых друзей.

– Артемий Георгиевич, мечтали ли вы в детстве о профессии военного? Вы, кстати, родились с разницей в несколько месяцев с днем образования отечественной контрразведки, но вряд ли кто знал в те годы о ее существовании.

– Вы правы, я родился в деревне Ягодное Селенгинского района Республики Бурятия. Никто там не знал ни о разведчиках, ни о контрразведчиках. Много бедняков там жило: пол – утрамбованная глина, печь, лавки да сундуки пустые. В сравнении с другими мы жили неплохо. Отец, Георгий Кондратьевич, работал от зари дотемна. Занимался хлебопашеством и скотоводством. Дом у нас был деревянный, немало домашней птицы, несколько коров. Мама, Екатерина Кондратьевна, нянчила детей, хлопотала по хозяйству. В нашей семье было восемь детей, но трое из них умерли еще в детстве, врачей в Бурятии было мало. Мама была верующей и мы соблюдали пост. Я помню, как в 30-е годы в соседнем селе большевики организовали коммуну. Собрали всех безземельников, выделили денег, дали скот и лучшие земли. Через пару месяцев купили им американский трактор «Фордзон». Потом тракторист приехал в нашу деревню, бабы крестились, и мы бегали за трактором, просили прокатиться. Правда, коммуна просуществовала недолго. Чуть больше года. Все проели, пропили и растащили добро по подворьям. Я за один год закончил два класса школы. Старший брат покупал мне книги и помогал делать уро-

ки. До сих пор помню, на какой скамейке сидел в школе. Жилье наше родное и сейчас перед глазами. Бревенчатое, с окнами и топчанами, сенками и кладовкой, печью русской, на которой было так уютно спать, слыша в трубе шум ветра.

7 классов я закончил в селе Средний Убукун. Самое яркое впечатление из того времени – я увидел «полуторку», это вам не трактор, не едет – летит. Затем поступил в кооперативный техникум в Кяхту. Учился на пятерки, получал повышенную стипендию. Закончил техникум уже в Улан-Удэ, куда нас перевели. А потом нам пришли повестки в военкомат...

– И началась для вас новая жизнь. Призыв на службу – это возможность увидеть новые места, приобрести новых друзей, стать самостоятельнее, начать новый этап своей жизни.

– Только призвали меня не в армию, а в Военно-Морской Флот. До Владивостока наша команда добиралась на товарном поезде, а уже оттуда – на грузовом корабле «Акула» до Советской Гавани, что в Хабаровском крае. В целях конспирации нас держали в трюме и не выпускали на палубу даже ночью. Офицеры говорили нам, что на море активизировалась японская разведка.

Определили меня стрелком в береговую охрану Тихоокеанского флота, в 193-й стрелковый полк. Прошло почти семьдесят лет, а я помню командира полка майора Фархутдинова, начальника штаба полка старшего лейтенанта Ефремова, начальника политотдела комиссара Голдобина. Когда началась война, мы заняли береговую оборону. Были большие опасения, что японцы могли напасть на наши восточные границы. Полтора года личный состав полка провел в окопах и траншеях. А 31 декабря 1942 года без особых объяснений сотни солдат посадили в трюм корабля и отправили во Владивосток.

Потом по железной дороге до станции Юг Пермской области. Начал службу в 28-й лыжной бригаде, был назначен командиром стрелкового отделения и стал кандидатом в члены партии. В марте 1943 года меня направили в Свердловское военно-политическое училище. Несмотря на название вуза, мы в основном занимались боевой подготовкой. В соответствии с нашей будущей военно-учетной специальностью с нами, курсантами, провели несколько занятий, в ходе которых рассказали о структуре политорганов Красной Армии и что должен делать ротный политработник в своем подразделении. По воскресеньям не отдыхали, а работали – оказывали помощь сельским жителям в посевных работах.

В июне 43-го года состоялся выпуск из училища, 600 человек должны были назначить заместителями командиров рот по политчасти, но пока мы учились, эти должности были упразднены. Я оказался в добровольческом танковом корпусе, думал, что научат стрелять из танка и отправят на фронт командиром танкового взвода. Но офицеры были нужны и в органах военной контрразведки. Я согласился испытать себя в этой профессии. Больше месяца ушло на то, чтобы меня и моих родных проверили по линии госбезопасности. В особом отделе Уральского военного округа начальник, генерал-майор Марсельский, сказал мне сразу: «Есть предложение призвать вас на работу в органы военной контрразведки, как вы на это смотрите?». Я ответил, что раз надо – значит надо.

Три месяца учился в школе военной контрразведки и в конце октября 1943 года выехал со специальным задани-

ем в Карачаево-Черкесскую республику. После выполнения задания меня направили в Москву, в распоряжение Главного управления контрразведки «Смерш». Оказался я в составе оперативной группы, которую возглавлял подполковник Грачев. Его авторитет для нас, молодых контрразведчиков, был непререкаемым. Опергруппу в составе 5 человек направили в Чернигов, а затем в Киев, и с 4 декабря она вошла в особый отдел Киевского военного округа. Только сейчас можно сказать, что, кроме меня и Грачева, в этой опергруппе работали лейтенанты Федосеев, Коновалов и Абаимов. Толковые были ребята.

НАША СПРАВКА. Главное управление контрразведки «Смерш» (сокращенно – «Смерть шпионам!») создано 19 апреля 1943 года постановлением Совета Народных Комиссаров СССР. Этим постановлением Управление Особых отделов из состава НКВД было передано в состав Народного Комиссариата Обороны, где на его базе организовано ГУКР «Смерш» под руководством комиссара и госбезопасности 3 ранга Виктора Абакумова. Этим же постановлением морской отдел УОО НКВД был преобразован в Управление контрразведки «Смерш» НК ВМФ, а бывший 6-й отдел УОО НКВД реорганизован в отдел контрразведки «Смерш» НКВД. Таким образом, в годы Великой Отечественной войны существовали три контрразведывательные организации под названием «Смерш».

Одной из главных задач ГУКР «Смерш» являлась борьба со шпионской, диверсионной и террористической деятельностью иностранных разведок как в воинских частях и учреждениях Красной Армии, так и на территориях, бывших под оккупацией гитлеровцев, где осталась сеть вражеской агентуры. На счету советских контрразведчиков 30 тысяч разоблаченных немецких агентов, около 3,5 тысячи диверсантов, 6 тысяч террористов. С целью дезинформации противника с 1943 года по 1945 год было проведено 250 радиоигр. Эти и другие мероприятия во многом обеспечили успех в Курской битве и в военных операциях по разгрому врага – Белорусской, Прибалтийской и Висло-Одерской. В мае 1946 года в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) ГУКР «Смерш» вошел в состав Министерства госбезопасности СССР в качестве самостоятельного главного управления (военная контрразведка).

– Если не секрет, чем занимались в Карачаево-Черкесской республике? За выполнение какой операции вы получили первый свой орден?

– Без комментариев. Специальное задание и есть специальное. Придет время и об этом напишут.

– Артемий Георгиевич, Киев в 1943 году был освобожден. Но война там не была окончена. Немцы оставили сети агентурной разведки. Многие из диверсантов и шпионов были вышколены в суровых разведшколах «Абвера» и «Цепелина» (разведывательно-диверсионный орган). Кто они, люди, вставшие на путь предательства? И чем занималась ваша опергруппа в столице Украины?

– Причины предательства могут быть разными, но в

основном люди решаются на это из корыстных побуждений. Там были и националисты, и бывшие белогвардейцы, и кулаки, да и обычные граждане, мечтавшие о вольготной жизни. Их было выявлять нелегко. Они ведь говорили на родном языке и внешне ничем не отличались от людей, переживших фашистскую оккупацию. И было их немало. Я не раскрою военной тайны, если скажу вам и читателям вашего пограничного издания, что во время войны в Германии и оккупированных вермахтом областях Советского Союза и некоторых западноевропейских странах под руководством «Абвера» действовало больше 50 разведывательно-диверсионных школ и организаций.

А националисты, особенно украинские, выступали «пятой колонной» вермахта. Правда, жестоко просчитались – Берлин не собирался создавать для них независимые или хотя бы даже вассальные государства под протекторатом Германии.

И мы противостояли вышколенным немецкими разведчиками шпионам и диверсантам. Достоинно противостояли, несмотря на недостаток опыта. Так, в ходе одного из заданий на киевской квартире обезвредили звено антисоветской белогвардейской организации НТС (Национально-трудовой союз). Мы там нашли радиопередатчик, большое количество листовок антисоветского содержания и полиграфическое оборудование для их изготовления. А через некоторое время наша опергруппа под руководством Грачева ликвидировала группу диверсантов, подготовленных в одной из разведшкол «Абвера». И стреляли они с двух рук, и ножи классно метали, и много чего умели. Но раз мы их уничтожили, значит, наша система спецподготовки была лучше, сильнее.

– А как вам удалось выйти на майора Главного разведуправления Наркомата обороны Демченко, которого в 1939 году завербовала немецкая разведка в качестве своего агента?

– В ноябре 1943 года я работал на еврейском базарчике в Киеве. Обратил внимание на парня, который торговал камушками для зажигалок. Интересуюсь у него: «Почем»? Он называет цену. Спрашиваю: «Где взял»? Отвечает: «Купил». Потом парень понял, что это можно посчитать за спекуляцию, и сказал, что камушки дали ему за работу. Задаю вопрос, кто дал и за какую работу? Он стал путаться в объяснениях, и я его привел в комендатуру. Там уже парень признался, что камушки вместо денег дал ему администратор одной из киевских гостиниц. Спрашиваю: «За какую работу он так расплатился с вами?» Парень ответил, что администратор одной из гостиниц просил его выявлять партизан, евреев и всех тех, кто плохо отзывался о немецкой армии, и сообщать ему об этих людях. Конечно, мы нашли и арестовали администратора гостиницы. Выяснилось, что он был завербован неким Демченко, которого контрразведчики затем нашли в Западной Украине и доставили в Киев. Демченко оказался майором Главного разведуправления Наркомата обороны. Когда чекисты начали собирать материал на этого офицера, то выяснилось, что еще в 1939 году он выезжал в Берлин в составе советской делегации, принимавшей участие в установлении демаркационной линии между Германией и Советским Союзом. Скорее всего, немецкая разведка тогда завербовала его в качестве агента.

А ГРУ делало на Демченко большие ставки. Он свободно владел немецким языком и должен был организовать

борьбу с фашистами в оккупированном Киеве. Его инструкторов лично 1-й секретарь компартии Украины Никита Хрущев и начальник 4-го управления НКВД Украины Строкач. Ему выдали мандат такого содержания, что он имел специальное задание, и всем партийным и советским органам вменялось оказывать ему всяческое содействие. Задание было такое: во время оккупации немецкими войсками Киева возглавить там диверсионно-разведывательный отряд из числа подпольщиков и партизан. Он и возглавил его, на деле же служил Германии. В годы войны немцами был создан контрразведывательный отдел «Абвера» под названием «Абвернебенштелле-Киев», и следствие установило, что Демченко возглавил одно из отделений. Пользуясь своим мандатом, этот человек нанес большой ущерб нашему государству. Он внедрился в один из партизанских отрядов и в киевское подполье. Немецкая разведка разгромила эти органы. Об этом раньше нигде не упоминали. Не принято было о своих неудачах распространяться. Но настало время сказать правду. В «Абвере» были специалисты высшего класса. Адмирал Вильям Канарис не зря ел свой хлеб. На оккупированных территориях Советского Союза функционировали четыре территориальных органа немецкой контрразведки: «Абверштелле –Остланд», «Абверштелле-Украина», «Абверштелле-Юг Украины», «Абверштелле-Крым». Во многом с помощью предателей, полицаяев они выявляли советских разведчиков, коммунистов и лиц еврейской национальности, боролись с партизанским движением и подпольными организациями и с этой целью готовили и вербовали агентов для различных опергрупп «Абвера». И только «Смерш», который в последние годы критикуют все, кому не лень, смог остановить эту лавину шпионов и диверсантов. Я это заявляю с полной ответственностью.

– А что за задание вы выполняли в Виннице в 1944 году?

– Секретная у нас была миссия. Расскажу о той операции коротко. С целью дезинформации противника военные контрразведчики устраивали радиоигры. В одной из них пришлось поучаствовать и мне. Не секрет, что среди арестованных агентов «Абвера» были и такие, которые раскаивались в содеянном. С санкции прокурора уголовное дело приостанавливалось, агент перевербовывался и работал на нас. Такого агента однажды перевербовал я. Он был радистом. Около двух месяцев мы посылали ложные сообщения «хозяевам» агента, и радиоигра помогла советским войскам выполнить поставленную задачу. Более конкретно я сказать пока не могу.

НАША СПРАВКА. «Абвер» – орган военной разведки и контрразведки Германии в 1919-1944 годах, входил в состав верховного командования вермахта. Создан в 1919 году правительством Веймарской республики. Поскольку условия Версальского договора формально не допускали создания в Германии разведывательных органов, на «Абвер» формально возлагались функции контрразведки в вооруженных силах. В действительности «Абвер» осуществлял разведывательную деятельность в отношении СССР, Польши, Чехословакии, Франции, Великобритании и других стран.

С 1935 года возглавлялся адмиралом Канарисом. В 1938 году реорганизован в Управление разведки и контрразведки Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии. С осени 1940-го основные усилия направлялись против СССР согласно мероприятиям по плану «Барбаросса». В 1942 году создан особый штаб по борьбе с партизанским движением на оккупированной территории СССР. В 1944 году в связи с неудачами в деятельности против СССР «Абвер» был расформирован, а его отделы вошли в состав Главного управления имперской безопасности, подчиненного Генриху Гимлеру.

– О вашей операции под кодовым названием «Брат приехал» легенды ходят. Расскажите, пожалуйста, о ней.

– Легенды оставим для писателей и кинематографистов. Хотя роман Владимира Богомолова «В августе 44-го» достаточно правдивый. Фильм я, правда, не видел, но думаю, что он получился. Читателям пограничного издания расскажу об этом эпизоде подробнее, так как помог мне найти агента американской разведки демобилизованный сержант погранвойск.

1 ноября 1947 года военные контрразведчики объявили розыск агента американской разведки, сестра которого проживала в Киеве. Я установил место жительства сестры шпиона. Нашел человека, который согласился подружиться с ней. На это согласилась обученная мной азам агентурной работы учительница русского языка и литературы. По договоренности, я должен был встретиться с учительницей через неделю. Она сообщила мне, что у интересующей меня женщины, есть еще одна сестра, которая проживает под Киевом, в Пуще-Водице. Я выехал туда и узнал, что она работает поваром в санатории. Тщательно изучив обслуживающий персонал, установил, что вместе со второй сестрой американского агента работает поваром только что демобилизовавшийся из погранвойск сержант. Я встретился с ним, он сразу же пообещал мне свою помощь. Сказал ему честно, что чекистов интересует человек, который может приехать к этой женщине. Сержант должен был сообщить мне о его появлении и сказать ключевую фразу: «Брат приехал».

6 ноября дежурный по управлению особого отдела сообщил мне «новость». Контрразведчики выехали в Пуще-Водицу и арестовали «брата». В свое время он был завербован разведчиком США в одном из лагерей для пленных, находящемся в зоне американской администрации, и в последующем переброшен в Советский Союз под видом репатрианта. 1 января объявили розыск агента, а 6 ноября мы его задержали. Вот и судите, как работала военная контрразведка, хорошо или плохо.

После выполнения этого задания меня не только наградили денежной премией, но и повысили в должности, я стал старшим оперуполномоченным особого отдела Киевского военного округа. И было мне в ту пору неполных 28 лет.

«Лейтенант Акинфеев агентурно-оперативную работу знает хорошо, особенно по розыску агентуры иностранных разведок. Умеет глубоко и правильно анализировать дела оперативного учета и проводит по ним целеустремленные мероприятия.

В течение 1947 года завербовал три человека агентуры по агентурно-розыскным делам. С аген-

турой работал правильно, и давал ей продуманные задания. В своем непосредственном производстве имел 20 агентурно-розыскных дел, из них в течение года реализовал 7, по которым арестовано 7 агентов иностранных разведывательных и контрразведывательных органов...

Участвовал в проведении ареста и задержании преступников, при этом проявил себя решительным и находчивым. Среди оперативного состава пользуется авторитетом».

(Из служебной характеристики от 26 мая 1948 года, подписанной начальником 3 отделения 2 отдела УКР МГБ КВО майором Юрчиковым).

– Можете вкратце рассказать об эпизоде вашей деятельности, который для вас наиболее интересен?

– Разыскивался бывший агент немецкой разведки по имени Андрей. В годы войны он перебрасывался в тыловые части Красной Армии. Служил немцам усердно, был награжден медалью «За заслуги на восточном фронте». После войны сбежал за границу, но потом вернулся на Украину. Его мать проживала в Киеве, в квартире с подселением, одну комнату занимала она, а в другой проживал мужчина. Я изучил этого человека и привлек его к работе. Мы договорились, как только Андрей появится, он сообщает об этом мне. Через некоторое время это сообщение поступило. Мой начальник решил выявить его связи. Первый день опера сработали нормально, а на второй день бывший шпион обнаружил за собой слежку. Поскольку готовили его в разведшколе хорошо, напустил страху на нашего оперативника и сказал ему: «Будешь ходить за мной – пристрелю». В это трудно поверить, но опер испугался и вместо того, чтобы сказать все, как было, скрыл этот факт. Были и в нашей организации трусы.

Через три месяца мы перехватили письмо матери Андрея своей сестре, в котором она сообщила, что сын женился и переехал в другой город. Отправили на поиски меня. Искал, как всегда, тщательно, но поиски были безуспешными. Такого человека в городе не было. Но интуиция подсказала, раз парень женился, то мог взять фамилию своей жены. Проверил загсы в этом городе, и оказалось, что именно так дело и обстояло. Я и мои сослуживцы задержали Андрея. До сих пор помню его пронзительный взгляд. Взгляд сильного человека, который много раз рисковал и был уверен: не найдут. Достойный противник.

«...Ведя работу по линии розыска агентуры иностранных разведывательных и контрразведывательных органов, добился в 1948 году положительных результатов. По делам, находящимся в его наблюдении, было арестовано 11 агентов иноразведок, 8 предателей и пособников. При выездах в подчиненные органы принял и проинструктировал 18 человек агентуры...»

(Из служебной характеристики от 3 февраля 1949 года).

– А дальнейшие этапы вашей службы?

– Прослужил в Киеве до 1950 года и был направлен на Тихоокеанский флот в отдел контрразведки Владимиро-

Ольгинской военно-морской базы, где год проработал старшим оперуполномоченным особого отдела ТОФ. Затем меня перевели в особый отдел ТОФ. Участвовал в розыскных мероприятиях, искали агента американской разведки. При активном взаимодействии пограничников нашли и обезвредили. В 1953 году поступил в Высшую школу МВД СССР, которую с отличием окончил. После учебы служил начальником Второго отделения особого отдела Сибирского военного округа. В 1960 году назначили начальником особого отдела ракетного соединения стратегического назначения, дислоцированного на территории Сибирского военного округа. Здесь в 1970 году и окончил свою службу. 27 лет в органах военной контрразведки и 4 года в Военно-Морском Флоте. После увольнения в запас еще 9 лет проработал старшим инспектором учебного отдела Новосибирского института ФСБ. Затем 14 лет был заместителем председателя Новосибирского общества охотников и рыболовов.

– А можно узнать, как вы выявили агента японской разведки, на которого «ориентировки» были разосланы в контрразведывательные органы еще 25 лет тому назад? В Управлении ФСБ по Новосибирской области мне говорили, что московские чекисты просто поразились: 25 лет прошло, а ваша интуиция, смекалка, особое чутье «смершевца» не подвели вас?

– С молодыми воинами, которых военкоматы направляли служить в ракетные части, в обязательном порядке проводили собеседования офицеры контрразведывательных органов. Мой ученик, старший лейтенант Александр Шлыков, обратил внимание на одного новичка. Комсомолец, славянская внешность, характеристики положительные. Вроде бы все нормально. Но одно «но» было. Молодой солдат родился в Харбине. Шлыков обратился ко мне за советом. А я знал, что после войны Харбин был наводнен белогвардейцами, и японская разведка использовала их в борьбе против советской власти на Дальнем Востоке. Знал я и о том, что в Управлении КГБ была картотека «БРЭМ» – бюро русских эмигрантов в Маньчжурии. Я дал Шлыкову «вопросник», и тот побеседовал с солдатом. Он расспросил его, кто его отец, мать, братья, сестры, дяди. Затем я отправил список с фамилиями всех родственников этого солдата своим коллегам в Хабаровск, чтобы они проверили фамилии по картотеке БРЭМ. Выяснилось, что на брата отца имелось розыскное дело, которое хранилось в 1 управлении КГБ СССР. Послал туда шифровку и в ответ получил выписку из показаний на дядю этого солдата двух арестованных агентов ЯВМ – японской военной миссии. В свое время японская военная миссия развила активную деятельность против советских войск в Маньчжурии – шпионов засылали в ближайшие тылы расположения наших частей для ведения разведки и диверсионных действий. Дядя солдата с большим рвением работал на ЯВМ, а теперь преспокойно жил в Томске. Так спустя 25 лет выявили бывшего японского шпиона. Так что я могу с гордостью сказать: хорошие у меня ученики. Я их научил думать и анализировать, а в контрразведке это главное.

– Артемий Георгиевич, многие люди, когда слышат «СМЕРШ», представляют, что в первую очередь это заградотряды, которые при отступлении должны

были стрелять по своим. В деревне, где я родился, был солдат заградотряда, и он мне рассказывал: да, стреляли, но поверх голов, даже не столько для того, чтобы утратить, сколько чтобы остановить растерявшихся и обезумевших от страха солдат...

– Ваш земляк совершенно прав. Своих без суда и следствия никто не расстреливал. В последние годы на волне демократии в стране в различных изданиях появилось немало информации о деятельности контрразведчиков в годы войны и в послевоенное время, и порой людям трудно разобраться, где правда, а где ложь. Ответственно заявляю вам: за время моей работы в контрразведке, не было ни одного случая нарушения социалистической законности. Я хорошо знал обстановку во всех отделах, в которых все эти годы работал. Например, в том же Киевском военном округе не было такого случая, чтобы невинного человека осудили. Скажу даже больше: однажды наказали следователя за то, что он неверно и грубо ставил вопрос перед обвиняемым. Вы можете сказать: а вот в кино показывали. Так на то оно и кино.

– Расскажите о вашей семье, родных.

– Все мои братья и сестры померли. С женой Юлией Яковлевной, моей любимой киевляночкой, прожили душа в душу 57 лет. Тоже умерла. Дочь работает вирусологом в одном из медицинских учреждений. Внуку 30 лет, трудится в новосибирской коммерческой компании, специализирующейся по компьютерному оборудованию.

В свой 91 год Артемий Георгиевич сохранил феноменальную память и ясность ума. По мнению А.Г. Акинфеева, нынешним контрразведчикам работать несравненно труднее. А в России «не осталось порядочного завода или фабрики, где не было бы американского представительства».

Он рассказывал, насколько это позволено, про своих боевых товарищей, своих агентов.

Как однажды в его отдел пришли с повинной брат с сестрой. Они были засланы «Абвером» к нам, но фашистам служить не хотели. Они попали в плен и желали одного – поскорее вернуться домой.

Я понимаю специфику этой организации, искренне уважаю людей в ней работающих.

– Если считаешь контрразведку профессией для получения заработной платы, не нужно к ней и близко подходить, – говорит новичкам Артемий Георгиевич. – Контрразведку надо любить.

И в конце нашей двухдневной встречи и общения я спросил Артемия Георгиевича, а что в его жизни было главным?

– Главное? Это патриотизм! – ни минуты не задумываясь ответил ветеран «Смерша». Меня так родители воспитали. И на флоте учили этому. Особенно в контрразведке прививали любовь к Родине. Когда мне 9 мая прошлого года вручали Благодарность Директора ФСБ России генерала армии Александра Васильевича Бортникова, я так там и сказал: «Мы – патриоты своей страны!». Я всю жизнь служил в контрразведке. Другого у меня не было. Патриотизм и контрразведка – вот что для меня главное.

* * *

Здравствуй, мои дорогие, добрые друзья – издатели «Литературного меридиана»!

Сколько радости приносит мне общение с вашим замечательным журналом, который объединяет столько хороших людей с поэтической душой, неравнодушных. Устав от засилья непристойностей, пороков, ужасов «голубого экрана», от рекламы, которая может свести с ума, мелькают одни и те же артисты на всех каналах и повторяют без конца свои монологи! Песни без мелодий, построены по принципу «кто кого переорёт». Я выключаю звук и смотрю одни картинки. Поэтому так хочется, чтобы ваш журнал не утонул в море проблем, чтобы все помогали, кто чем может: и деньгами, и рекламой, и поддерживали все ваши инициативы.

Хочу написать свой отзыв о некоторых произведениях, напечатанных в «ЛитМ». Очень понравились короткие рассказы Геннадия Богданова – такие жизненные ситуации он описывает! Очень наболевшую тему строительства Холма и Креста примирения поднял Владимир Тыцких. Критиковать, конечно, проще, чем объединиться, примирить Российскую империю, советскую Россию и современную. Ведь сколько в нашей стране миллионеров, которые вывезли деньги за границу, а на доброе дело денег не дают, добрую память о себе оставить не хотят. А ведь на тот свет с собой ничего не возьмешь.

...С радостью прочитала стихи нашей замечательной поэтессы из Уссурийска – Нины Исаковой. Умница! На её стихи есть музыка, и чудные её песни поёт народный ансамбль авторской песни ДК ЖД г. Владивостока «Россиянка». Я рада, что лично знакома с Ниной Исаковой. Поздравляю с 75-летним юбилеем Александра Егорова. Его стихи очень жизненные, и я их тоже люблю, есть у меня его сборник с авторской подписью.

Получила письмо от Светланы Тимиргалиевой. Она, как и я, тронута вашим вниманием. Всего вам хорошего!

Любовь КУЗЬМИНА,
г. Артём

* * *

В последних номерах «Литературного меридиана» для меня несколько добрых встреч, за которые я очень благодарна вам. Среди них – и с моей любимой Верой Сергеевной Аксёновой, и с моей землячкой Любовью Кузьминой, с которой мы в переписке.

А у меня к вам просьба.

18 марта в Министерство здравоохранения на имя Голиковой Т.А. поступило моё письмо с ксерокопией вашей публикации о Кате Козловой. Может быть, вы найдёте возможность сообщить мне, есть ли какие-либо подвижки в части помощи девочке от нашего милосердного министра.

С уважением
Светлана ТИМИРГАЛИЕВА,
г. Москва

ОТ РЕДАКЦИИ.

О судьбе Кати Козловой нас спрашивают и Тамара Крылова из г. Конаково, и другие читатели.

Убедительно просим автора статьи «Рядом с нами» («Литературный меридиан» № 2, 2011 г.) Ирину Кирееву написать нам, что изменилось в жизни Катюши и чем могут помочь девочке наши читатели.

ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья!

Не секрет и не новость – наше издание выходит в свет на средства, собранные авторами, сотрудниками редколлегии и членами общественного совета.

Подписная кампания на наш ежемесячник проходит в течение всего года, и любой желающий может стать обладателем даже уже вышедших с начала года номеров.

Вместе с майским номером «Литературного меридиана» каждый из вас получит заполненный бланк почтового перевода для оформления подписки на «Литературный меридиан». И не беда, если вы оформили годовой абонемент на наше издание в декабре минувшего года – подарите бланк знакомому или соседу. От имени редколлегии я убедительно прошу вас помочь провести подписную кампанию на второе полугодие текущего года. Пожалуйста, расскажите о «Литературном меридиане» своим друзьям-литераторам, преподавателям вузов и школьным учителям, служащим библиотек, сотрудникам иных учреждений. Помогите нам собрать авторский и читательский актив.

Также редколлегия «ЛитМ» будет признательна за информацию о грантах для литературных изданий.

Владимир Костылев

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ К КНИГЕ ЕВГЕНИЯ ВЕСНИКА «ТРИПТИХИ С РЕМАРКАМИ»

Владимиру Александровичу на память об авторе Евгении Яковлевиче Веснике. Надеюсь, эта книга, уникальная по форме и содержанию, Вам понравится.

С уважением **Нонна Весник,**
10 апреля 2011 года

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.
  2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
  3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (полностью) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
  4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
  5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**). Текстовые файлы принимаются в формате WORD.
  6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Ко'стылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2011 ГОД

Стоимость полугодового абонемента – 300 рублей, годового – 500. Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора Ко'стылева Владимира Александровича по адресу издания:

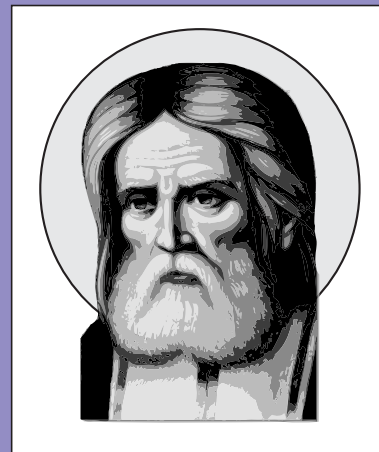
**692342, Россия, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16, редакция ежемесячника
«Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой (по указанному подписчиком адресу). Никаких дополнительных затрат подписавшийся НЕ НЕСЕТ.

Наш сайт: www.Litmeridian.ru

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ
АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА,
А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ.**

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4

От юности Христа возлюбил еси,
блаженне, и Тому Единому работати
пламенно вожделев, непрестанно
молитвою и трудом в пустыни
подвизался еси, умиленным же
сердцем любовь Христову стяжав,
избранник возлюблен Божия Матере
явился еси. Сего ради вопием ти: спасай
нас молитвами твоими, Серафиме,
преподобне отче наш.

Памятник А.С. Пушкину. Фото Алексея БОГДАНОВА, г. Хабаровск

Тюльпаны. Фото Ивана КОНЧАТНОГО, г. Арсеньев